

ИЗМЕНА

СВЕКРОВЬ РАЗРУШИЛА *наш брак!*

МАРИЯ
РЕМУР

Мария Ремур

**Измена. Свекровь
разрушила наш брак!**

«Литнет»

2025

Ремур М.

Измена. Свекровь разрушила наш брак! / М. Ремур — «Литнет», 2025

– Ваш брак не будет счастливым и долгим! Я уверена! – заявляет моя будущая свекровь. Мать жениха практически прямым текстом сказала, что я не пара её сыночку! Не могу поверить! – Ваш брак обречён. Мой сын никогда не любил тебя. Яр женится на тебе только потому, что ему нужен верный человек, на которого он мог бы скинуть свой нелегальный бизнес. На тот случай, чтобы было кому за него сидеть! Это не может быть правдой! Яр любит меня! Уже завтра мы поженимся, и у нас всё будет хорошо. Чёрт возьми, я жду от него ребёнка! – Все крупные бизнесмены контактируют с преступным миром, – ухмыляется будущая свекровь. – Ты не первая и не последняя. Богатые мужики сплошь и рядом берут в жёны проституток из деревни, чтобы они мотали за них срок. Когда ты родишь, Яр заберёт ребёнка, а тебя отправит за решётку! Я сбежала из-под венца. Но спустя пять лет мы с предателем снова встретились. Теперь нас с дочерью пытаются похитить, и спасти нас может только он – мерзавец, растоптавший мою веру в любовь...*** ♥# Книга участвует в литмобе «Измена. Двойное предательство» -

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	18
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	36
Глава 9	43
Глава 10	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Глава 1

– Катенька, ты такая красивая. Смотрю на тебя и всё понять не могу, чем ты моему сыночку не угодила, – произносит моя будущая свекровь и с задумчивым видом мотает головой из стороны в сторону.

– Елена Николаевна, простите, но я вас не поняла. Что значит «не угодить»?

– А я что, так сказала, да? Ой, – прикрывает рот ладонями. – Не бери в голову, это я так, мысли вслух, — отмахивает.

Ну уж нет, Елена Николаевна, сказали «А» — говорите «Б». У нас с Ярославом завтра свадьба, к мероприятию уже всё давным-давно готово. Я должна знать, чем я не смогла угодить своему жениху.

– Елена Николаевна, мы с вами без пяти минут родственницы, – смотрю на будущую свекровь требовательным взглядом. – Договаривайте, пожалуйста, если начали.

Дурной смехок срывается с губ моей будущей свекрови. Нервный импульс пробегает по её лицу от брови до подбородка.

— Ладно, — переводит дыхание и боязливо окидывает взглядом гостиную, словно наш диалог может кто-то подслушать. — Я сомневаюсь, что ваш брак будет счастливым и продержится долго.

Сердце с болью ударяется об рёбра и с грохотом проваливается в пятки. Руки леденеют, а по спине пробегают многочисленные мурашки.

Она вообще в своём уме говорить мне подобные вещи?

Я невеста её единственного сына! У нас завтра свадьба! Чёрт возьми, я беременна!

Важно подметить, что о моём положении не знает ни жених, ни тем более его мама. Завтра в день нашего бракосочетания я открою Ярославу тайну, которую ношу под своим сердцем вот уже пять недель...

– Елена Николаевна, не надо так шутить, – произношу в ответ не своим, резко севшим голосом. – От ваших слов у меня руки затряслись.

Женщина ухмыляется каким-то своим мыслям и продолжает говорить:

– Родная моя, ты не знаешь, как я тебя люблю, – предпринимает попытку обнять меня, но я отстраняюсь в сторону.

– Поясните, пожалуйста, смысл ваших слов, – повторяю, но уже более настойчиво.

— Ладно, Катюша, скажу, — громко вздыхает, опускает глаза в пол, выдерживает небольшую театральную паузу и продолжает: — Ваш брак обречён. Мой сын никогда не любил тебя, — нервно поджимает губы. — Ярослав женится на тебе только потому, что ему нужен верный человек, на которого он хочет повесить свой нелегальный бизнес. Ну, на тот случай, чтобы было кому за него сидеть.

Огромный ком размером с кулак встаёт посреди горла, перекрывает дыхание. Я начинаю задыхаться.

Слёзы подкрадываются к глазам, а руки начинают трястись пуще прежнего.

Елена Николаевна своими откровениями выбила из-под моих ног табуретку и заставила верёвку плотно обвить мою шею.

– Все крупные бизнесмены так или иначе контактируют с преступным миром. Заработать миллиард и не перешагнуть через Уголовный кодекс невозможно, — ухмыляется. – Ты не первая и ты не последняя. Богатые мужики сплошь и рядом берут в жёны простушек из деревни, чтобы на них статью скинуть.

Каждая новая фраза свекрови всё сильнее и сильнее заставляет слёзы бежать по моим щекам. Она меня без ножа режет...

Нет. Это не может быть правдой. Ярослав любит меня. Уже завтра мы поженимся, и у нас всё будет хорошо. Ведь так, да? Правда?

— Зачем вы мне всё это рассказываете? Зачем обманываете? — невольно срываюсь на крик.

— Катюша, — виновато поджимает губы, — я не хотела, чтобы ты плакала. Я хотела тебя предупредить, — делает шаг в мою сторону, но я пячусь назад. — Ты молодая, красивая и очень умная девушка. Я не хочу, чтобы мой сын испортил тебе жизнь.

Одинокая слеза прокатывается по морщинистому лицу свекрови.

— Я хотела поговорить с тобой в тот день, когда Яр сделал тебе предложение. Но не смогла, побоялась навлечь на себя гнев собственного ребёнка, — переводит дыхание и нервно постукивает костяшками пальцев по журнальному столику. — Я не хочу, чтобы ты мотала срок за моего сына. Я не хочу, чтобы гробила из-за этого бандита свою жизнь.

Не в силах выдать из себя ни единого слова, смотрю на свою будущую свекровь и рыдаю.

— Мой муж был точно таким же. Когда реальный срок замаячил на горизонте, Димка пытался на меня скинуть свой нелегальный бизнес. Но ничего у него не вышло... — громко вздыхает. — Посадили моего Димочку за экономические преступления. Там он и концы отдал...

Внутри меня происходит что-то невообразимое.

Мечты о супружеской жизни, о большой и дружной семье осыпаются, словно карточный домик...

Мой жених, а вернее сказать, мой бывший жених — Темников Ярослав Дмитриевич. И его фамилия, мягко сказать, громкоговорящая, ведь свой бизнес он ведёт далеко не самым честным образом, в тёмную...

Бизнес Яру достался от покойного отца. Который и в самом деле за свои тёмные делишки был отправлен за решётку.

Какая же я всё-таки дура. Поверила в настоящую любовь и неподдельные взаимные чувства. Нафантазировала семью, детей...

Наверное, только в сказках прекрасный принц женится на Золушке, и их супружеская жизнь складывается хорошо. В жизни же всё происходит куда более драматично...

Столичный бизнесмен берёт в жёны проститутку из деревни не потому, что влюбился в неё с первого взгляда. А лишь затем, чтобы скинуть на неё свои грехи и избежать заслуженного тюремного срока.

— Елена Николаевна... — реву не своим голосом. — Яр не такой. Скажите, что это неправда.

— Когда я выходила замуж за Димку, тоже думала, что он не такой, — громко вздыхает. — Мало того, что муженёк гулял всю жизнь, так ещё и на старости лет чуть в тюрьму меня не отправил, — поджимает губы. — Бежать тебе надо, родная моя. Завтра уже будет поздно... Выйдешь замуж за моего сына — перечеркнёшь своё будущее.

— Бежать? — голос, полный боли и отчаяния, срывается с моих губ.

Куда я побегу? Обратно в деревню к маме? Темников бандит, он меня из-под земли достанет.

— Бежать, родная моя, бежать, — произносит таким голосом, каким палач выносит приговор своей жертве. — Если ты думаешь, что сумеешь по-быстрому родить и тебя это как-то обезопасит, ошибаешься. Твоя судьба предрешена.

Глава 2

Пять лет спустя

Яр

Вот расширенная версия вашего текста. Я постарался сохранить характер и голос главного героя, добавив больше внутренних переживаний, атмосферных деталей, литературных оборотов и эмоциональных качелей, чтобы объём приблизился к желаемым 15 000 символам.

Вечер за окном моего кабинета давно уже перестал быть просто «вечером». Он превратился в густую, непроглядную темень, которая липла к огромным панорамным окнам, словно пытаясь пробраться внутрь, к теплу и свету. Город внизу кишел миллионами огней, но здесь, на двадцатом этаже, было тихо, как в склепе. Тишина стояла такая, что в ней тонул даже гул вентиляции. Я сидел в своём кресле, вертел в пальцах потухшую сигарету и смотрел, как поток медленно плывёт перед глазами от усталости.

Работа. Без выходов. Без просвета. Она выпила из меня все соки, оставив лишь пустую оболочку, набитую нервными окончаниями.

И вдруг — этот голос.

Тоненький, звонкий, как разбившееся стеклышко, он врезался в мою тишину, заставив вздрогнуть всем телом.

— Дядя, а у тебя тут как в пустыне... Пыльно-пыльно!

Я дёрнулся так, что чуть не вылетел из кресла. Сердце пропустило удар, а потом забилося где-то в горле.

— Какого... — прохрипел я, лихорадочно оглядываясь по сторонам. — Что за хрень?

Кабинет был пуст. Абсолютно. Только тени от мониторов плясали на стенах.

Слуховые галлюцинации? Вот это поворот. Неужели мой собственный организм решил добить меня там, где не смогли конкуренты и кредиторы? Я зажмурился, потряс головой, прогоняя наваждение. Открыл глаза. Никого.

— Дядя, а с тебя конфета! — снова этот писк, на этот раз с противным, картавым смешком. — За лугательства!

Вот теперь я точно понял, что не сплю. Голос был слишком живым, слишком реальным, чтобы быть плодом моего больного воображения. В нём слышалась наглая, детская уверенность, смешанная с озорством. Этот голос не просил — он требовал.

— Эй! — рявкнул я, привставая. — Ты кто? Где ты? Это прикол такой?

Мой взгляд метался по кабинету, как загнанный зверь. Под стул, за шторы, в открытую дверь балкона. Никого. Абсолютно никого. Только моя собственная тень, искажённая светом лампы, казалась мне сейчас каким-то чудовищем.

Я отъехал на стуле назад, встал и медленно, стараясь не делать резких движений, обошёл стол.

— Выходи! — крикнул я в пустоту, чувствуя себя полным идиотом. — Я кому сказал, выходи!

— Выходи! — тут же спародировал меня тонкий голосок, а затем разлился залиvistым, пронзительным смехом, от которого у меня по спине побежали мурашки. Этот смех бил по ушам, отражался от стен и множился.

Я, Ярослав Темников, по кличке Яр, человек, прошедший и огонь, и воду, и медные трубы криминальных разборок, стоял посреди собственного кабинета и боялся пошевелиться. Абсурд.

Рука сама собой нащарила выключатель на стене. Люстры под потолком вспыхнули ярким, беспощадным светом, разгоняя тени по углам. И в этом свете я увидел ЕЁ.

Из-под моего стола, массивного, дубового, за которым были подписаны сделки на миллионы, медленно, словно в замедленной съёмке, выползла девочка. На вид ей было года три, от силы четыре. Маленькая, хрупкая, с двумя смешными хвостиками на голове и огромными, сияющими глазками. На её лице сияла улыбка до ушей — такая широкая, искренняя и наглая, что у меня перехватило дыхание.

Как? Как, чёрт возьми, она здесь оказалась? В бизнес-центре, куда вход с детьми строго запрещён. В восемь вечера, когда все сотрудники давно разбежались по домам. В моём личном кабинете, который закрывается на кодовый замок!

— Ты кто такая? — выдохнул я, уставившись на это чудо природы, чувствуя, как гнев начинает закипать в груди, смешиваясь с диким, первобытным удивлением.

Девочка упёрла руки в бока, задрала голову так, что её хвостики смешно качнулись. В её глазах не было ни капли страха. Ни капли!

— А ты кто такой? — выпалила она в ответ звонко и чётко. — Ты сначала представься! Это вежливо!

Я невольно ухмыльнулся. Ухмылка вырвалась сама собой, против моей воли. Она смотрела на меня, как заправский прокурор на подсудимого, требуя соблюдения этикета. Мало того, что пробралась без спроса, так ещё и командует здесь!

Обычно дети в таком возрасте — это плаксивые комочки, которые прячутся за мамину юбку. Но эта... Эта юная леди явно была выкована из другого металла. Дерзкая, смелая, с характером, который, чувствовалось, проявится ещё не раз.

Я даже вспомнить не мог, когда в последний раз кто-то осмеливался разговаривать со мной в таком тоне. Да никогда! Темников — это не просто имя, это бренд, за которым стоит тяжёлая поступь и железный кулак. На меня не повышают голос. Мне не указывают.

Я выпрямился во весь рост, скрестил руки на груди и, сам не понимая зачем, включил своего старого персонажа. Того, из тёмного прошлого.

— Темников я, — произнёс я с лёгкой угрозой в голосе. — Местный босс. Для своих — Яр. Слышала про такого?

Девочка склонила голову набок, словно оценивая масштаб угрозы. Потом хмыкнула — точь-в-точь спародировала мою интонацию — и выдала:

— А я — Малуся! Из детского садика! — и засмеялась, довольная своей шуткой.

Я снова ухмыльнулся. Чёрт возьми, а она мне начинала нравиться. В этой наглости было столько жизни, столько непосредственной силы, что на миг я даже забыл о своих проблемах. Такая далеко пойдёт. Смелым всегда легче. Я и сам всю жизнь таким был — пёр танком, сминал преграды. Только вот куда меня это привело? К браку по расчёту с нелюбимой женщиной и пропавшей флешке с компроматом.

— Значит, Маруся из садика, — я опустился в кресло и нервно забарабанил костяшками по столу. Ритмичный стук немного успокаивал. — А мама твоя где? И что ты забыла под моим столом?

— Мама тут! — заявила девочка с гордостью. — Она моет! А я ей помогаю!

Моет. Ах, ну да. Уборщица, моя штатная, слегла с больничным. Пришлось вызывать клининговую службу. И надо же было такой "козе" притащить сюда ребёнка в такое время! В голове не укладывалось. Девочке давно пора сказки на ночь слушать, а не по офису лазать.

— И что мне с тобой делать? — устало спросил я, откидываясь на спинку. Шея затекла, глаза слипались. — Где твою мать искать? Или проще тебя охранникам сдать? Пусть они разбираются.

— А зачем её искать? — Маруся удивлённо захлопала длинными ресницами. — Она же лядом! В этой комнате!

Я подскочил. Рядом? В комнате? Я лихорадочно обшарил взглядом всё пространство, заглянул под стол — пусто. Мысль о том, что какая-то ненормальная мамаша тоже прячется где-то в моём кабинете, вызвала во мне прилив раздражения. Если она там, вопросы будут серьёзные. Очень серьёзные.

— Ладно, хватит игр, — сказал я твёрдо, поднимаясь. — Пошли. Я отведу тебя к охранникам. Теперь ты их забота.

Я протянул руку, но внутри всё кипело от злости. Вот только детских проблем мне не хватало для полного счастья! У меня и без того дел невпроворот. Мысль о работе, о насущных проблемах, мгновенно вернула меня в реальность, вырвав из этого странного, сюрреалистичного момента.

Моя жизнь — сплошной бардак. Свадьба через неделю. Через семь дней я должен буду надеть дурацкий костюм и сказать "Да" женщине, которую не люблю. Дилара, дочурка Аракчеева. Красивая, ухоженная, с идеальным маникюром и пустыми глазами. Моя мать от неё без ума. Они вместе ходят по СПА и обсуждают дизайнерские тряпки, пока я пытаюсь удержать на плаву бизнес, который с таким трудом отмыл от криминала.

И вот теперь, в самый последний момент, этой куколке взбрело в голову устроить "средневековую сказку". Костюмированный бал! Приглашения уже разосланы, а у нас, мать его, даже меню не утверждено! Она хочет, чтобы гости ели руками и пили из рогов? Я был бы счастлив послать всё к чёрту, разорвать помолвку, но... Аракчеев. Это не просто партнёр, это человек, с которым опасно ссориться. Слишком многое поставлено на карту. Наши компании переплетены так тесно, что разрыв уничтожит всё, что я строил годами. Я в ловушке.

А сверху на этот пирог проблем легла пропаша флешки. Та самая, с двойным дном. Там не просто отчётность, там — вся моя тёмная подноготная, которую я так старательно закапывал. Если она попадёт в руки ментам или, того хуже, конкурентам, мне конец. Реальный срок. И я даже не знаю, кто её взял. Свои? Чужие? Паранойя уже начала грызть изнутри.

— Дядя, ты чего? — тонкий голосок вырвал меня из пучины отчаяния. — Ты как статуя! Батарейки сели, да?

Маруся смотрела на меня с искренним любопытством, склонив голову набок. Её глаза сияли.

— Задумался, — буркнул я, отмахиваясь от видений тюремной шконки. — Идём. Мне некогда.

Я попытался схватить её за руку, но она ловко вывернулась и отскочила на пару шагов, надув губки так, что они стали похожи на маленький бантик.

— Не пойду! Без мамы не пойду никуда! — в её голосе зазвенели стальные нотки, совсем как у меня самого.

— Пошли, я сказал! — рыкнул я, теряя терпение. — Охранники по камерам найдут твою мать, это их работа.

Я шагнул к ней, но она попятилась, выставив вперёд маленькие кулачки. Только этого мне не хватало — бегать за трёхлетним ребёнком по кабинету!

— Не пойду! — закричала она во всё горло, и топнула ножкой с такой силой, что я даже испугался, как бы она себе что-нибудь не повредила. Её щёки покраснелись, брови нахмурились. Она была готова сражаться.

И в этом порыве я вдруг узнал себя. Маленького, дерзкого пацана с окраины, который никогда не сдавался и шёл напролом.

Я сдался.

— Хорошо, — выдохнул я, поднимая руки в примирительном жесте. — Где твоя мама?

Маруся резко развернулась и ткнула пальчиком в сторону огромного встроенного шкафа-купе, где я хранил верхнюю одежду и кое-какие архивы.

— Вон там! В шкафу прячется!

Я замер. Шутка? Сейчас не первое апреля. Медленно, чувствуя, как сердце снова начинает колотиться где-то в горле, я подошёл к шкафу. Дёрнул ручку. Дверца со скрипом отъехала в сторону.

То, что я увидел, заставило меня забыть, как дышать.

В полумраке шкафа, зажавшись в самый угол, среди моих пальто и курток, сидела ОНА. Женщина, которую я любил больше жизни. Женщина, которая сбежала от меня за день до нашей свадьбы пять лет назад, разбив моё сердце вдребезги и растоптав осколки каблуками.

— Катюша... — выдохнул я, и это слово прозвучало как молитва, как проклятье и как вопрос одновременно.

Её глаза, такие же огромные, как у девочки, смотрели на меня с ужасом и мольбой. Она зажала рот ладонью, словно пыталась спрятаться даже от собственного дыхания.

Мир вокруг меня схлопнулся в точку. Пропали все проблемы: флешка, Аракчеев, Дилара, дурацкая свадьба. Осталась только она. Катя. Моя Катя. Которая пять лет назад просто исчезла, оставив после себя лишь пустоту и дикую, незаживающую боль.

А за моей спиной стояла девочка с её глазами и моим характером.

— Дядя Яр, — тихо сказала Маруся, беря меня за палец. — Ты только не лугайся. Это мама. Она хотела тебя видеть, но стеснялась. Очень-очень стеснялась. Плакала даже.

В моей голове не укладывалось. Она хотела меня видеть? Пять лет молчала — и хотела видеть? Спрятавшись в шкафу? Что за чёртов цирк?

— Выходи, — сказал я хрипло, глядя на Катю. Голос сорвался, стал чужим. — Выходи, Катя. Хватит прятаться.

Катя медленно, словно через силу, вылезла из шкафа. Она была всё так же красива, но в её глазах застыла такая тоска, что у меня защемило сердце. Она не смотрела на меня, только на Марусю.

— Прости, Ярослав, — прошептала она, и слёзы покатались по её щекам. — Прости нас.

Я смотрел на них двоих — на эту маленькую семью, которая ворвалась в мою жизнь самым невероятным образом, и чувствовал, как рушится всё, что я выстроил за эти пять лет. И, чёрт возьми, впервые за долгое время, мне было всё равно на руины.

Глава 3

Екатерина

Немного раньше событий предыдущей главы.

– Мама, а можно я погуляю? – доченька тянет меня за подол рабочей формы, и её голосок звучит так жалобно и капризно одновременно, что сердце сжимается от чувства вины.

Я выпрямляюсь, опираясь рукой на больную поясницу, которая уже начала ныть после часа непрерывной возни с тряпкой и ведром. Смотрю на её огромные глаза, в которых плещется целый океан детской тоски и скуки, и понимаю: она здесь, в этом чужом, холодном офисе, чувствует себя как в клетке.

– Нет, родная моя, нельзя. Не отходи, пожалуйста, от меня далеко. Ладно? – произношу как можно мягче, хотя внутри всё кипит от собственного бессилия. – Обещай мне, Маруся.

Я наклоняюсь и вытираю пыль с подоконника, который покрыт таким слоем грязи, будто здесь не убирались как минимум с прошлого тысячелетия. Серый налёт въелся в пластик, пальцы оставляют на нём полосы, но до идеальной чистоты ещё работать и работать.

Такое чувство, что в этом офисе до меня целый год никто ни разу не убирался. Пыль повсюду. Она лежит на каждом горизонтальном предмете тонкой, равнодушной пеленой. Словно здесь не люди работали, а призраки бродили.

Вообще, я стараюсь заканчивать любую работу до пяти часов вечера. У меня правило: вечер принадлежит только мне и Марусе. Сказки, тёплое молоко, ванна с пеной и укладывание спать. Ритуал, который мы обе любим и от которого я никогда не отступаю без крайней нужды.

Но сегодня мне поступило предложение, от которого я просто не смогла отказаться: тройная оплата за уборку в офисе в вечернее, послерабочее время.

Тройная оплата. Эти слова звучали в голове как мантра, как музыка, как гимн моему отчаянному положению.

С работой у меня всё, мягко сказать, не очень. Можно даже не мягко, а прямо: всё из рук вон плохо. Постоянную работу с полной занятостью я не смогла найти. Матери-одиночки не очень-то востребованы на рынке труда, знаете ли. Работодатели смотрят на твою анкету, видят графу «есть ребёнок», и их глаза стекленеют. Им не нужны сотрудницы, которые будут уходить на больничные, просить отгулы и тащить на себе кучу бытовых проблем.

Вот и приходится бегать по подработкам и хвататься за любую возможность заработать. Клининг, раздача листовок, временные подработки в кафе на массовых мероприятиях. Я согласна на всё, что приносит хоть какие-то деньги. Стыдно? Возможно. Но когда у тебя за спиной стоит маленький человек, которому нужно есть, пить и расти, чувство стыда притупляется. Оно уходит на десятый план, уступая место инстинкту выживания.

– Ну мааам, – тянет Маруся, недовольно хмуря бровки.

И в этот момент у меня останавливается сердце.

В такие минуты Маруся всё больше и больше начинает походить на своего отца. Яр. Ярослав Темников. Мужчина, которого я когда-то любила до потери пульса, до дрожи в коленях, до помутнения рассудка. Яр, когда злился, точно так же хмурил брови — сводил их к переносице, отчего между ними появлялась глубокая складка. И смотрел точно таким же недовольным, тяжёлым взглядом, от которого хотелось провалиться сквозь землю или, наоборот, броситься ему на шею и просить прощения, даже если ты ни в чём не виновата.

Господи, как же больно видеть его черты в нашем ребёнке. Больно и сладко одновременно.

– Через часик я закончу, и мы поедem домой. Хорошо, родная моя? – я наклоняюсь к дочурке и целую её в лобик. От неё пахнет молоком и детским шампунем, и этот запах мигom прогоняет призраков прошлого. – Один час, Маруся. Потерпи.

– Хорошо, – покорно кивает она, но в глазах всё ещё теплится надежда на чудо.

Понятное дело, доченьке со мной скучно до зубовного скрежета. Мы уже давным-давно должны были быть дома, читать книжку про Чебурашку и неспешно готовиться ко сну. Но, к сожалению, деньги сами себя не заработают. И долг за аренду квартиры сам себя не погасит. Коммуналка сама себя не оплатит. Еда в холодильнике сама собой не появится.

Я бы с радостью не тащила дочь с собой на работу, если бы был хоть один вариант. К сожалению, мне не с кем было её оставить. Моя мама далеко, в другом городе. Соседкам я не доверяю. Няня на вечер стоит столько, что проще вообще не ходить на работу, чем отдать эти деньги чужому человеку.

– Мама, а можно мне ласчёску? – картавит доченька, протягивая ко мне пухлые ладошки.

В свои четыре года моя девочка отлично выговаривает все буквы, кроме зловредной «р». Она у неё никак не хочет подчиняться, прячется где-то в глубине гортани и вылезает наружу только в виде смешного «лы». Но совсем скоро, обещает логопед, мы и с ней сумеем справиться. Будет у нас идеальная речь.

– Держи, родная моя, – я достаю из нагрудного кармана рабочей униформы свой старый гребень, с которым никогда не расстаюсь, и протягиваю его дочери.

– Спасибо, – церемонно благодарит она и тут же принимается неуклюжими, но старательными движениями расчесывать свои густые и толстые, как медная проволока, волосы.

Если цвет волос — пшеничный, с золотистым отливом — доченька унаследовала от меня, то толщина и структура достались ей исключительно от отца. Волосы у Темникова были жёсткими, густыми, непослушными. Таковыми, что никакой парикмахер не мог уложить их в приличную причёску. В свои четыре года Маруся может похвастать точно такой же шикарной копной, которой бы позавидовала любая модель с обложки глянцевого журнала.

Громкий рингтон мобильного разрывает тишину пустого коридора, заставляя меня вздрогнуть и едва не выронить тряпку.

Звонит моя начальница Тамара Евгеньевна. Я смотрю на экран, и внутри всё неприятно сжимается. Она очень своеобразный человек. Излишне строгая и придирчивая. Из той породы начальников, которые искренне верят, что их подчинённые — существа низшего порядка, не способные сделать ничего путного без постоянного контроля.

Девочки в нашем коллективе крокодильими слезами режут, когда начальница заявляется на объект без предупреждения с внеочередной проверкой. Тамара Евгеньевна из тех людей, которые способны найти к чему прикопаться даже в кристально чистом, вымытом до скрипа, стерильном помещении. Она разглядит пылинку там, где её нет. Увидит развод там, где поверхность блестит как зеркало. Это её дар, её проклятье и наша вечная головная боль.

– Тамара Евгеньевна, здравствуйте, – отвечаю на звонок, стараясь, чтобы голос звучал бодро и профессионально.

– Кузнецова, ты уже на объекте? – обращается ко мне по фамилии, даже не удосужившись поздороваться в ответ. Не усложняет себе жизнь никому не нужными приветствиями. Сразу к делу. Бизнес-вумен, мать её.

– Ну да, уже давно. На ресепшене меня встретили, проводили в прачечную и выдали всё необходимое, – докладываю по существу, как она любит. Без лирики и отступлений. – Думаю, через часик уже закончу.

– Молодец, – слышу в трубке её сухое, лишённое эмоций хмыканье. – Не забудь отправить мне фотографии выполненной работы. На твоём телефоне, я надеюсь, есть камера?

Последняя фраза произнесена с таким сарказмом, что мне хочется зарычать. Но я сдерживаюсь. Я профессионал. Я мать, которой нужны деньги.

– Хорошо, Тамара Евгеньевна, я сфотографирую помещение, когда закончу, и пришлю вам фотографии, – произношу на выдохе и невольно прикусываю губу.

Это просто какой-то ужас. Я уже представляю, как она будет сидеть вечером у себя дома, увеличивать мои фото на экране своего дорогого смартфона и выскивать огрехи. Не удивлюсь, если начальница с максимальной дотошностью будет рассматривать каждый сантиметр и сумеет найти, до чего докопаться. Она из тех, для кого процесс контроля важнее результата.

— До связи, — фыркает она напоследок и бросает трубку, не прощаясь.

— Вот что за человек, а? Вот разве можно так со своими подчинёнными общаться? — бормочу я в пустоту, убирая телефон в карман, и машинально поворачиваюсь к тому месту, где буквально мгновение назад стояла моя дочь.

И замираю.

Там пусто.

Сердце на мгновение перестаёт биться, а потом разгоняется до бешеной скорости, стучит где-то в горле, в висках, в кончиках пальцев. Кровь приливает к лицу, а потом резко отливает, оставляя после себя противный холод.

— Маруся?! — зову я, и мой собственный голос кажется мне чужим, испуганным, тонким. Я оглядываюсь по сторонам, надеясь увидеть её смешные хвостики где-нибудь за углом.

Маленькая бандитка, понятное дело, не отзывается. Она вообще редко отзывается, когда я её зову. У неё в голове свои планы, свои игры, своя вселенная, в которую взрослым вход воспрещён.

— Доченька, выходи, пожалуйста! — мой голос становится громче, в нём прорезаются истерические нотки. — Маме некогда играть в прятки! Чем быстрее я закончу, тем быстрее мы поедем домой!

В ответ тишина. Звонящая, гулкая, бесконечная тишина пустого этажа, которую нарушает только гул ламп дневного света.

Вот и где мне сейчас искать Марусю? Бегать по этажу и заглядывать во все кабинеты подряд, как ненормальная? Врываться в чужие святая святых? Или сразу бежать к охранникам и поднимать панику?

— Доченька! Маме некогда играть в прятки! — предпринимаю очередную неудачную попытку докричаться до ребёнка. Голос срывается, в нём уже явственно слышны слёзы.

С маленькими детьми иной раз бывает очень сложно. Маруся — моё солнце, мой свет в окошке, но иногда она же становится источником дикого, животного страха. Стоит отвлечься на одно-единственное мгновение — ответить на звонок, вытереть пот со лба, просто моргнуть — а ребёнок уже убежал. Растворился. Исчез.

Ну ещё бы, ведь четыре года — такой возраст, когда всё новое, неизведанное и жутко интересное манит сильнее, чем строгие мамыны запреты. Каждая приоткрытая дверь — это приключение. Каждый тёмный угол — тайна. Каждый незнакомый предмет — сокровище.

Я бросаю уборку. К чёрту тряпки, к чёрту ведро, к чёрту Тамару Евгеньевну с её фотографиями. Сейчас есть только одна задача: найти моего ребёнка. Я выбегаю в коридор и отправляюсь в это ужасное, выматывающее душу путешествие по чужому этажу. Если мне самостоятельно не удастся найти Марусю в ближайшие пять минут, придётся обращаться к охранникам и просить о помощи. И пусть потом меня уволят, лишат премии, внесут в чёрный список — плевать. Главное, чтобы дочь была в безопасности.

Иду по длинному коридору, жадно вглядываясь в каждую дверь. Маруся бы ни за что на свете не сумела самостоятельно открыть тяжёлую офисную дверь с тугим доводчиком. Физически не смогла бы. Если она и забежала в один из множества кабинетов, то только в тот, чья дверь была приоткрыта по чьей-то халатности.

И тут я её вижу.

Останавливаюсь напротив приоткрытой двери из цельного дубового массива. Дорогая, массивная, внушительная. Такая дверь на весь этаж одна, и её ни с чем не спутаешь. Она выгля-

дит как портал в иной мир — мир больших денег, власти и людей, которые принимают решения.

Логично предположить, что за ней скрывается кабинет большого начальника или даже генерального директора всей этой структуры.

На мгновение я замираю на месте и невольно поджимаю губы. Холодок страха пробегает по спине. Тамара Евгеньевна предупреждала меня строго-настрого: вход в кабинет генерального воспрещён под страхом увольнения и, кажется, пожизненного проклятия. Она сказала, что я должна пройтись с тряпкой по всем кабинетам этажа, кроме кабинета босса. Ни ногой туда. Даже если там будет потоп. Даже если начнётся пожар.

Кто мой наниматель, я знать не знаю. Я тогда спросила у начальницы фамилию генерального, на что получила короткий и доходчивый ответ:

«Какая тебе разница? Столичный миллионер приехал в наше захолустье на несколько месяцев налаживать дела филиала. Сомневаюсь, что ты его увидишь хотя бы раз. Твоя работа — мыть, а не задавать глупые вопросы!»

И вот теперь я стою перед его дверью. И там, за ней, возможно, прячется моя дочь.

У меня ребёнок потерялся. Непредвиденные обстоятельства заставляют меня пренебречь запретом и нарушить правило. Материнский инстинкт сильнее любого трудового договора, сильнее страха перед начальницей, сильнее всего на свете.

Я глубоко вздыхаю, набираюсь смелости, толкаю тяжёлую дверь и перешагиваю через порог.

Кабинет встречает меня полумраком. Свет сюда проникает только от огромных панорамных окон, за которыми уже давно опустилась ночь, и от работающего монитора компьютера. Его бледное, голубоватое свечение слабо разрезает темноту, выхватывая из мрака очертания мебели.

Судя по работающему компьютеру, разбросанным в художественном беспорядке по столу документам и дорогому пиджаку, небрежно накинутому на спинку кресла, можно сделать нехитрый вывод: хозяин кабинета где-то рядом, хоть его и не видно. Может быть, отошёл в туалетную комнату? Или вышел в коридор по делам? Или курит где-нибудь в специально отведённом месте?

– Маруся? Доченька? – зову ребёнка вполголоса, стараясь производить как можно меньше шума.

Замираю на месте, прислушиваюсь, затаив дыхание. И улавливаю то, что заставляет моё сердце пропустить удар, а потом забиться с удвоенной силой. Абсолютную тишину разрезает едва уловимое, осторожное вошканье. Шорох. Шёпот. Или мне кажется?

Нет, не кажется. Я мать, я чувствую своего ребёнка кожей.

Ага, понятно. Маруся где-то в кабинете. Ей, видимо, вздумалось поиграть с мамой в прятки. Самая неудачная идея в её четырёхлетней жизни.

– Доченька, выходи, – зову ребёнка громче, оглядываясь по сторонам. – Выходи, моя хорошая, мы поедem домой.

Я делаю шаг вперёд, поворачиваю голову, смотрю сквозь стеклянную балконную дверь... и натываюсь взглядом на широкую, мощную тёмную фигуру.

Невольно вздрагиваю всем телом.

А вот и босс собственной персоной. Мужчина вышел на балкон подышать не самым свежим городским воздухом. Он стоит ко мне спиной, но даже по одному только силуэту, по развороту плеч, по тому, как он держит сигарету, я понимаю: это опасный человек. Хищник. Тот, с кем лучше не встречаться в тёмном переулке.

Надо как можно быстрее найти дочь и смыться, пока он нас не заметил. Чего доброго, если у директора хватит наглости оштрафовать меня за самовольное проникновение в каби-

нет. Или, того хуже, вызовет полицию и обвинит в краже. Кто я для него? Никто. Уборщица, которая шастает по его личному пространству.

Благо, что мебели в кабинете не так уж и много. Стол, диван, пара шкафов-купе во всю стену, журнальный столик. Спрятаться здесь особо негде. Где же ты, Маруся?

– Маруся, хватит прятаться от мамы. Выходи, – шиплю я как можно тише, приближаясь к шкафам.

Открываю первый, заглядываю внутрь. Пиджаки, пальто, коробки с бумагами. Пусто.

Перехожу ко второму. Дёргаю ручку, приоткрываю дверцу.

И в этот момент слышу за спиной громкий хлопок балконной двери и тяжёлые, уверенные шаги.

Большой босс вернулся в своё тёмное логово.

Паника захлёстывает меня с головой ледяной волной. Я не думаю, я не соображаю, я просто действую на инстинктах. В следующее мгновение я уже сижу внутри шкафа, забившись в самый дальний угол, заваленная какими-то тёплыми вещами. Дверца остаётся приоткрытой на крошечную щёлочку — мне нужно видеть, что происходит.

Я вижу, как босс грузно опускается в своё кресло, как отъезжает к столу, как включает настольную лампу и углубляется в бумаги. Он работает. Он здесь. А я в ловушке.

– Маруся... Ну что за игры такие? – произношу одними лишь губами, беззвучно, чувствуя, как слёзы отчаяния подступают к горлу. – Где же ты, маленькая?

Сомнений в том, что ребёнок спрятался именно в кабинете босса, у меня нет. Вошканье я слышала именно здесь. Маруся, скорее всего, сидит в соседнем отделении этого же шкафа. Или, что ещё хуже, под столом генерального, прямо у него в ногах.

Я замираю, стараясь дышать как можно тише, молясь всем богам, чтобы дочь не выдала себя раньше времени. Сердце колотится так громко, что, кажется, его слышно во всех углах кабинета.

И тут раздаётся этот голос.

Тоненький, звонкий, картавый, бесстрашный.

– Дядя, как у тебя тут пыльно...

Я закрываю глаза. Всё. Конец. Мой главный страх сбылся.

Маруся и в самом деле спряталась под столом генерального...

Дальше всё происходит как в страшном сне. Я слышу их диалог — дочкин лепет и низкий, тяжёлый голос мужчины. Маруся дерзит, командует, требует конфету. Она совсем не боится этого огромного чужого дядю. Она ведёт себя так, будто это её кабинет, её территория, её игрушки.

Я сижу в шкафу, вжимаясь в стену, и чувствую, как леденеют руки. Каждое слово, каждый смех дочери отдаётся во мне острой болью. Я должна выйти. Должна защитить её. Но ноги не слушаются, тело парализовано страхом.

– Где твоя мама? – слышу я его вопрос.

И замираю окончательно.

– В шкафу прячется! – звонко и радостно выдаёт Маруся.

Я слышу, как она топает маленькими ножками по направлению ко мне. Слышу, как он встаёт с кресла. Слышу его тяжёлую поступь.

Внутри меня всё моментально обрывается. Сердце с дикой болью ударяется об рёбра и с грохотом уходит куда-то в пятки, в пол, в самую преисподнюю. Всепоглощающий, животный страх накрывает меня с головой ледяной волной, заставляя мурашки бежать по спине табуном испуганных лошадей.

Дверца шкафа распаивается.

Я поднимаю взгляд и вижу ЕГО.

Босс открывает шкаф и смотрит на меня сверху вниз. Его глаза — ореховые, с золотистыми крапинками — мечут молнии. В них убийственное выражение. В них ярость, удивление и что-то ещё, что я не могу распознать.

Внутри меня всё обрывается во второй раз.

Потому что в этом взгляде, в этих чертах лица, в этом развороте бровей я узнаю одного из самых опасных людей столицы. Моего бывшего жениха. Мужчину, который когда-то клялся мне в любви, а на самом деле, как я потом поняла, хотел жениться на мне лишь затем, чтобы прикрыться мной, скинуть на меня свои тёмные делишки и, если что, отправить за решётку вместо себя. Человека, от которого я сбежала за день до свадьбы, спасая свою жизнь и свою свободу.

И, наконец, отца моей дочери. Отца, о существовании которого Маруся не догадывается все четыре года своей жизни.

— Катюша? — произносит он моё имя, и в его голосе столько эмоций, что их хватило бы на целый театр.

Он смотрит на меня так, словно увидел привидение. Собственное прошлое, явившееся к нему в самом неожиданном обличье.

Внутри меня всё сжимается в тугую, болезненный узел. Руки леденеют окончательно, превращаясь в две сосульки. На лбу выступает противная, липкая испарина. Я чувствую, как дрожат губы, как подкашиваются ноги.

От одной только мысли, что Темников догадается. Что посмотрит на Марусю, всмотрится в её черты, в её наглую улыбку, в её брови, которые она хмурит точь-в-точь как он... И поймёт. Вычислит. Осознает.

Меня бросает то в жар, то в холод. Это просто не может быть правдой. Наша встреча не может быть реальной. Это какой-то дурной сон, кошмар, от которого я никак не могу проснуться.

Надо спастись. Надо как можно быстрее хватать ребёнка и бежать прочь. Пока он не задал лишних вопросов. Пока не начал копать. Пока не увидел правду в глазах нашей дочери.

Если пять лет назад от Темникова меня спасла его же родная мать — женщина, которая всегда меня ненавидела и которая, как я подозреваю, подстроила мой побег, — то сейчас я могу рассчитывать только на себя. Только на свои ноги и свою смекалку.

— Привет... — выдавливаю я из себя чужим, сиплым, не своим голосом.

И в следующую секунду срабатывает инстинкт. Я резко выскакиваю из шкафа, налетаю плечом на дверцу, подхватываю на руки ошалевшую Марусю и, не глядя по сторонам, устремляюсь на выход.

Я бегу. Бегу так, как не бегала никогда в жизни. Адреналин застилает глаза, сердце готово выпрыгнуть из груди. Ещё немного, ещё чуть-чуть, и я буду за дверью, в коридоре, в безопасности...

Но сбежать было не суждено.

Темников в два шага преодолевает разделяющее нас расстояние. Он быстрее. Он сильнее. Он хищник до мозга костей. Его широкая грудь перекрывает мне путь к отступлению, как бетонная стена.

— Кузнецова, — обращается он ко мне по фамилии, и его голос звучит угрожающе низко. — А скажи-ка мне, что ты делала в моём шкафу?

Он нависает надо мной, и я чувствую себя муравьём под микроскопом.

— Работашь на моих конкурентов, да? — он хмыкает, но в этом хмыканье нет и намёка на веселье. — А я всё голову ломаю и понять не могу, куда из моего сейфа могла пропасть флешка с ценными данными. Очень вовремя ты тут появилась, Катюша. Очень вовремя.

Он делает шаг вперёд, и я инстинктивно прижимаю Марусю к себе крепче.

— Выворачивай карманы, — его голос становится стальным. — Возвращай ворованное, а потом я решу, что с тобой делать. И учти, от меня не убегают дважды.

Он произносит это строгим, не терпящим возражений тоном, поджимает губы и переводит взгляд на моего ребёнка.

В его глазах загорается странный огонёк.

Он смотрит на Марусю. Всматривается.

И я понимаю: начался обратный отсчёт.

Глава 4

Екатерина

Внутри меня всё мгновенно обрывается. Сердце, которое и так колотилось где-то в горле, проваливается в ледяную бездну, оставляя после себя звенящую пустоту в груди. Что я у него украла? Какая ещё, к чёрту, флешка? Я впервые захожу в этот кабинет, я пальцем не прикоснулась ни к чему, кроме дверцы шкафа, за которой пряталась от этого безумного мира! Темников вообще в своём уме? Или его паранойя, разросшаяся за пять лет до невероятных масштабов, окончательно съела остатки рассудка?

— Никакие карманы я выворачивать не буду! — фыркаю я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо и уверенно, но предательская дрожь пробивается сквозь каждое слово. — Ни я, ни моя дочь ничего у вас не брали. Немедленно освободите дорогу и дайте нам выйти!

Я пытаюсь говорить строгим, не терпящим возражений тоном, но выходит как-то пискляво и неубедительно. Голос срывается, теряется в гулкой тишине кабинета, разбивается о широкую грудь мужчины, преграждающего нам путь. Я чувствую себя маленькой, затравленной мышью перед огромным, сытым котом, который играет с добычей перед тем, как её съесть.

— Ничего не брали, отлично, — Яр скрещивает на груди руки, и этот жест выглядит угрожающе. Бицепсы напрягаются под тканью дорогой рубашки, делая его фигуру ещё более массивной, ещё более пугающей. — Если нечего скрывать, почему тогда боишься вывернуть карманы?

Он смотрит на меня с прищуром, в его ореховых глазах пляшут опасные искорки. Этот взгляд я помню слишком хорошо. Так он смотрел на провинившихся подчинённых, на конкурентов, на тех, кто переходил ему дорогу. Холодный, расчётливый, беспощадный.

— Нет, — я качаю головой и с дочерью на руках делаю шаг назад. Мои ноги дрожат, подкашиваются, кажется, ещё мгновение — и я рухну прямо здесь, у его ног. Но я не могу упасть. На мне Маруся. Я должна держаться ради неё.

— А ну отстань от моей мамы! — в дело включается Маруся.

Доченька у меня, мягко сказать, боевая. В ней словно встроен какой-то внутренний моторчик, который включает режим защиты в любую опасную минуту. Она не позволяет себя в обиду ни в песочнице, ни в очереди в поликлинику. Помню, в очереди к терапевту какой-то мужик с ребёнком хотел вперёд нас пролезть. Наглый, самоуверенный, решил, что раз он мужчина, ему все должны уступать. Так Маруся ему не дала. Вышла вперёд, упёрла руки в боки и выдала такую пламенную речь про то, что женщины и дети должны проходить без очереди, что мужик покраснел, смешался и ретировался под смех остальных посетителей. Она пристыдила хамоватого мужика и выставила на всеобщее посмешище. А мне потом сказала: «Мама, ты не бойся, я тебя всегда защищу».

Характер дочь унаследовала от Темникова. Это я поняла давно, ещё в первые годы её жизни, когда наблюдала, как она упрямо учится ходить, падая и снова поднимаясь, как требует своё, не сдаваясь перед трудностями. В свои четыре года она такая же пробивная и бесстрашная, как её отец. Тот самый отец, который сейчас стоит перед нами и обвиняет нас в воровстве.

— Здание бизнес-центра никто не покинет, пока я не найду свою флешку, — произносит Темников ледяным тоном и, не сводя с нас глаз, протягивает руку назад, закрывая дверь. Щелчок замка звучит как выстрел. Как приговор.

Да какая, чёрт возьми, флешка, я понять не могу? Что за бред? Вот что он к нам пристал? Я готова поклясться чем угодно, даже собственной жизнью: ни я, ни Маруся в жизни чужого не возьмём. Не то воспитание. Мама с детства вбивала в меня: «Чужое — это грех. Чужое — это горе. Чужое к тебе никогда не принесёт счастья». Я и Марусю так же учу.

Темников каким был пять лет назад, таким и остался. Таким же подозрительным, таким же параноидальным. Вечно у него что-то пропадало, терялось, находилось не на своих местах. Забросит куда-нибудь, найти не сможет, а потом всех вокруг обвиняет. Проходили, знаем. Сколько раз я сама страдала от его беспочвенных подозрений!

– Ярослав Дмитриевич, – говорю я как можно спокойнее, стараясь, чтобы голос звучал рассудительно и холодно, – вы перед тем, как бросаться необоснованными обвинениями, убедитесь, что вещь была именно украдена, а не потеряна. Или вы просто выронили её где-нибудь, а теперь ищите крайних.

Я взглядом указываю на камеру видеонаблюдения, установленную на потолке кабинета. Маленький чёрный глазок, который, кажется, смотрит прямо в душу. Пусть он проверит запись, если такая умный. Пусть убедится, что я не подходила к его дурацкому сейфу.

– Да! – тут же подхватывает Маруся, чувствуя мою поддержку. – Тлебую извинений! Пусть камелы покажут!

Дождаться от Темникова извинений — что-то из разряда фантастики. Это как искать иголку в стоге сена, как ждать снега посреди июля, как надеяться, что волк станет вегетарианцем. Он не из тех людей, кто признает за собой ошибки. Нет у него совести и не было никогда! Семь лет назад, когда он клялся мне в любви, обещал золотые горы и честную жизнь, я тоже верила. Думала, что встретила мужчину своей мечты. А оказалось — мечта обернулась кошмаром.

— Кто ещё перед кем извиняться будет, — усмехается он своей фирменной ухмылочкой. Кривой, самоуверенной, от которой у меня всегда подкашивались колени, а сейчас по спине бегут мурашки отвращения и страха.

Он отходит в сторону, берёт со стола мобильник, водит пальцем по экрану... и вдруг его лицо меняется. Резко, кардинально, пугающе. Он покрывается багровыми пятнами, которые расползаются от шеи к щекам, к вискам. Глаза сужаются, превращаясь в две щёлочки, из которых бьёт холодный, убийственный свет.

Такое резкое изменение в лице Темникова меня, откровенно говоря, пугает до потери пульса. Взгляд у него какой-то недобрый. Такой взгляд бывает у хищника, который почуял кровь. У зверя, который вышел на охоту и не успокоится, пока не добьёт жертву.

Вот что ему от нас надо? Может быть, он нарочно придумал какую-то несуществующую флешку, чтобы задержать нас? Но зачем? Неужели мерзавец узнал о том, что Маруся — его родная дочь? Неужели кто-то успел ему донести? Или он сам увидел, почувствовал, понял?

От собственных дурных мыслей покрываюсь липким, противным потом. Он холодит спину, стекает по позвоночнику, заставляя меня дрожать как осиновый лист на ветру.

— Ты пелед нами! — произносит доченька и ухмыляется, спародировав Темникова. Она копирует его интонацию, его манеру растягивать слова, и выглядит это до того комично, что в другой ситуации я бы рассмеялась. Но сейчас мне не до смеха.

– Маруся, потише, пожалуйста... – произношу я полупшепотом, почти беззвучно, стараясь успокоить ребёнка, приглушить её боевой пыл.

Сейчас мне меньше всего хочется, чтобы доченька вступила в словесную перебранку со своим отцом. Отцом, который хотел использовать её мать в своих корыстных целях. Отцом, который, возможно, и сейчас представляет для нас смертельную опасность.

– Ну-ну, – хмыкает Темников, и в этом звуке слышится угроза. – Начальник службы безопасности только что обрадовал меня новостью о том, что камеры во всём бизнес-центре парализовало. Представляешь? Какое удивительное совпадение! И после этого ты будешь препираться и утверждать, что просто так пряталась в шкафу? А твоя дочь чисто по приколу под стол залезла, да?

Ситуация из разряда «Да как такое, чёрт возьми, могло произойти?». Это не может быть правдой. Этого просто не может быть! Из всех миллионов совпадений, которые могли бы случиться в этом мире, случилось самое дурацкое, самое неправдоподобное, самое ужасное!

Зачем дочь залезла под стол, я знать не знаю. Ещё не успела выяснить. Может, ей показалось там что-то интересное? Может, она увидела какую-то бумажку и решила её подобрать? У Маруси вечно куча вопросов к окружающему миру, и она лезет во все дыры в поисках ответов.

Меня в шкаф инстинкт самосохранения загнал. Испугалась я грозного босса. Увидела его фигуру на балконе и спряталась, как последняя трусиха. И, как оказалось, совсем не зря. Как чувствовала, как сердцем чуяла, что наша встреча не в состоянии принести что-то хорошее. Нутром чуяла, что этот человек — источник всех моих бед.

— Вижу, твоя мама не хочет общаться, поэтому буду разговаривать с тобой, — неожиданно обращается Темников к ребёнку.

Маруся начинает ёрзать у меня на руках, выкручиваться, и я понимаю: сейчас произойдёт что-то страшное. Она спрыгивает с рук и встаёт напротив отца, оперев руки в бока.

— Говоли, если есть что сказать! И если мне это интелесно! — картавит она громко и чётко, глядя на Темникова снизу вверх с таким вызовом, словно перед ней не главарь столичной мафии, не опасный криминальный авторитет, а какой-то мужик, решивший пролезть к терапевту без очереди.

У меня перехватывает дыхание. Маруся, девочка моя, ты хоть понимаешь, с кем ты так разговариваешь?!

— О как. Давно я ни с кем по понятиям не общался, — хмыкает Яр, и в его голосе проскальзывает что-то похожее на уважение. Он присаживается перед Марусей на корточки, сравнившись с ней ростом, и теперь они смотрят друг другу в глаза. Два хищника. Два упрямца. Отец и дочь, которые даже не знают о своём родстве, но уже меряются характерами. — Рассказывай, куда награбленное сбагрили, а я тебе конфетку дам.

Дочь смотрит на Темникова так, словно он только что сморозил несусветную глупость. Её глаза — мои глаза, но в них плещется его упрямство — сужаются, брови сходятся к переносице. Маруся не из тех, кого можно купить конфетами. Она не продаётся за сладости. Это я знаю точно.

— Конфету ты мне и так и так должен, — скрещивает руки на груди, полностью копируя его недавний жест. — За лугательства! Сначала извиниться надо, а потом конфету пледлагать! Неуч!

— Хорошо, будет тебе конфета, — Темников усмехается, поднимается с корточек, разминает спину (видно, спина у него всё ещё болит, как и раньше), подходит к стеклянной полке, берёт конфету в яркой обёртке и протягивает её дочери.

Я же всё это время стою рядом и молча наблюдаю за развернувшейся на моих глазах сюрреалистичной картиной. Главарь мафии торгуется с четырёхлетним ребёнком из-за конфеты. Это похоже на дурной сон, на абсурдный театр, на комедию абсурда.

Ну а что я могу сейчас сделать? Схватить ребёнка на руки и с боем прорываться к выходу? Темников загородил дверь своей тушей, его не сдвинешь. Кричать? Звать на помощь? Охрана здесь подчиняется только ему. Бесполезно.

Остаётся только один вариант — ждать, когда Темников наиграется, найдёт свою флешку и отпустит нас. Сейчас не девяностые, чтобы людей воровать. Сейчас цивилизованные времена, есть законы, есть полиция.

Ведь он нас отпустит, верно? Эта мысль бьётся в голове, как птица о стекло. Отпустит? Или у него другие планы?

— Илиска, — морщит носик доченька, развернув фантик, и смотрит на своего отца так, словно он ей только что впарил некачественный, просроченный товар на сомнительной распродаже. — А я «Миски в лесу» хочу! Там динозавтики! А это что за фигня?

Я всё голову ломала и не могла понять, где дочь умудрилась набраться этих бандитских повадок. Откуда в ней эта уверенность, эта наглость, это умение ставить на место взрослых дядек? Потеряла покой и сон, перебирала в голове всех знакомых, всех родственников. И только сейчас поняла: повадки доченька унаследовала от своего отца. От короля криминального мира. От человека, с которым я сумела связаться по глупости, по молодости, по наивности.

Темников обещал и клялся, что криминал в прошлом. Что отныне и навсегда он добропорядочный бизнесмен, зарабатывающий на жизнь исключительно честным путём. Я помню тот вечер, ресторан, его горячий шёпот: «Катюша, я завязал. Всё. Только ты и я. Только честный бизнес и светлое будущее». Обманул... Как же он меня обманул!

— Бери, что дают, — фыркает Яр, наблюдая за тем, как Маруся крутит в руках конфету. — А теперь ответь мне, маленькая разбойница: что ты делала под моим столом?

Он бросает быстрый, колючий взгляд в мою сторону и добавляет с нажимом:

— И мать твоя почему в шкафу пряталась? В то, что вы играли в прятки, я, извините, не поверю. Как минимум потому, что в прятках один прячется, а второй ищет. А вы спрятались обе. И искать вас, как я понимаю, никто не собирался.

— Клыска, — не моргнув глазом, произносит Маруся и пальчиком указывает в сторону стола.

Чувствую, как краска заливает лицо горячей, обжигающей волной. Мне не послышалось? Или доченька только что назвала Темникова «клыской»? Стыд-то какой... Господи, Маруся, зачем?!

— Крыска? — бровь Яра взмывается вверх, почти касаясь линии волос. — Позволь узнать, почему я крыса? — Он бросает в мою сторону осуждающий, тяжёлый взгляд, полный подозрения.

Не трудно догадаться, что Темников решил, будто это именно я окрестила его «крысой». Решил, что я настраиваю ребёнка против отца, которого та никогда не видела. Но это не так. Клянусь, это не так!

В диалоге с дочерью я ни разу не касалась темы её биологического отца. Ни единого раза! Я приверженка той позиции, что лучше не говорить ничего, чем говорить плохое. Пусть у Маруси будет чистое сердце, не отравленное моими обидами и разочарованиями. А что-то хорошее про Темникова я, к сожалению, сказать не могу. Потому что хорошего в нём для меня не было ничего. Только боль, только обман, только разбитые надежды.

— Клыска! — громогласно произносит доченька и утвердительно кивает, не понимая всей драматичности момента. — Белая такая. Маленькая. По коридору плобежала, шустлая такая, потом в кабинет забежала и под стол. А я за ней, хотела посмотреть, куда она дальше побежит. Интелесно же!

Она в очередной раз тыкает крошечным пальчиком в сторону стола и часто-часто моргает своими длинными ресницами, глядя на отца с искренним недоумением: ну как можно не понимать таких простых вещей?

С самого малолетства я учила доченьку тому, что врать очень плохо и что это непостижимый грех. Что ложь разрушает доверие, что честность — основа любых отношений. Маруся ни разу не обманывала меня и всегда говорила исключительно правду. Даже если правда была неудобной. Даже если за правду могло влететь.

Я склонна верить своему ребёнку абсолютно во всё. Абсолютно! Даже в том, что по самому дорогому и престижному офису города бегают белые крысы. У них тут, между прочим, такая грязь, что не только крысы заведутся, но и кто-нибудь похлеще. Я сама видела, сколько пыли в этом кабинете! Целый слой! Для крыс — раздолье.

– Крысы бегают по моему кабинету, а маленькая девочка за ними гоняется, – Яр мотает головой из стороны в сторону, явно не поверив ни единому слову Маруси. Он скептик, каких поискать. — Допустим, — говорит он, — чисто гипотетически допустим, ты залезла под мой стол, потому что погналась за какой-то мифической мышью. Но мама твоя что в шкафу забыла? Может быть, она призраков ловила? Или решила провести ревизию моего гардероба?

Он смотрит на меня своими ореховыми глазами, и в этом взгляде я читаю насмешку, подозрение и что-то ещё... Что-то тёплое, что я не готова признавать.

– Не знаю, – пожимает плечами Маруся с самым невинным видом. – Наверное, в плитки иглала. Мамы тоже любят иглать. Плавля, да?

– В плитки иглала, – передразнивает ребёнка Яр, но в его голосе уже нет прежней жёсткости. – Сама с собой, получается.

– Мне позвонила начальница, – выдыхаю я, понимая, что пора вмешаться, пока дочь не наговорила лишнего. – Я отвлеклась на минуточку. Пока разговаривала, Маруся от меня убежала. Сами знаете, какие дети в этом возрасте — только отвернись, их уже след простыл. Я побежала искать по коридору. Увидела, что дверь в ваш кабинет приоткрыта. Зашла, подумала, что дочь спряталась в шкафу, и полезла проверять.

Я говорю как есть, без утайки. Чистая правда, без прикрас.

– Тлебую извинений! – снова встречается Маруся, не желая упускать инициативу. – Илисками не принимаем!

Она демонстративно выбрасывает ненавистную конфету на пол, где та с глухим стуком приземляется у её ног.

– Неси «Миски в лесу»! Чтобы с динозавтиками! А это фу, невкусно!

— Миски, — в очередной раз передразнивает ребёнка Яр и ухмыляется каким-то своим мыслям. Кажется, ему начинает нравиться эта маленькая бунтарка. — Не хотите, значит, работать со следствием, не надо. Сами себе злые бураги.

Он переводит взгляд на меня, и его лицо снова становится серьёзным, деловым.

— Где твоя сумочка? — спрашивает он тоном, не терпящим возражений.

— В коридоре осталась вместе со всеми чистящими средствами и тряпками, — фыркаю я в ответ, чувствуя, как внутри закипает злость.

У Темникова хватит наглости ковыряться в моей сумочке? В моём личном пространстве? Вот же поганец! И куда только мои глаза смотрели, когда я семь лет назад согласилась пойти с ним на свидание? Наверное, они были завязаны розовой пеленой наивности и глупых девичьих грёз. Вот же дурёха... Выбрала самого опасного мужчину в городе и чуть не вышла за него замуж.

Через пять минут мы с дочерью стоим посреди коридора и наблюдаем за тем, как Темников бесцеремонно копается в моих вещах. Моя старенькая, потёртая сумка, которую я купила три года назад на распродаже, выглядит особенно жалко в его руках. Он перебирает мои нехитрые пожитки: кошелёк с последней тысячей рублей, расчёску, детские влажные салфетки, сменные носки для Маруси, пачку недорогих прокладок.

Мне стыдно. Стыдно до жжения в щеках, до дрожи в пальцах. Он видит мою бедность. Он видит, как я живу. И это, наверное, доставляет ему какое-то извращённое удовольствие.

– А-ха-ха! – вдруг раздаётся дурной, торжествующий смех, срывающийся с его губ. – Кто ищет, тот всегда найдёт!

Он достаёт из самой глубины моей сумки металлический прямоугольник, поблескивающий в свете ламп, и с победоносным видом демонстрирует его мне.

Флешка.

Самая настоящая флешка.

У меня подкашиваются ноги. Мир плывёт перед глазами. Этого не может быть. ЭТОГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ! Я никогда в жизни не видела этот предмет! Он не мой! Откуда?!

— Вот сейчас у тебя, Кузнецова, реальные проблемы! — ухмыляется Яр, и его улыбка не сулит ничего хорошего. — Кажется, теперь я понял, за какой крысой на самом деле гонялась твоя дочь.

Он произносит это язвительным, ледяным голосом и смотрит на меня с прищуром. Смотрит так, как смотрит палач на приговорённого перед казнью.

А я стою, не в силах пошевелиться, и чувствую, как почва уходит из-под ног. Потому что я понятия не имею, как эта флешка оказалась в моей сумке. И это отсутствие понимания страшнее любых объяснений.

Глава 5

Темников

— Ну и что прикажешь с вами делать? — хмыкаю я, разглядывая эту странную парочку, ворвавшуюся в мою жизнь как ураган посреди тихой, спланированной гавани.

Честно признаться, я до последнего надеялся, что Катя не причастна к исчезновению флешки. Где-то в глубине души, в том самом уголке, который я пять лет назад запер на семь замков и выбросил ключи, теплилась глупая, мальчишеская надежда, что она не могла так поступить. Что та Катя, которую я знал, которую любил, не способна на предательство.

Но улики говорят сами за себя. Они безмолвны, но красноречивее любых слов.

Пропавшая вещь была найдена в её сумочке. Материальный, осязаемый факт, от которого не отмахнуться, не списать на совпадение. Тут даже что-то комментировать нет никакого смысла. И без того очевидно.

И всё же... Что-то здесь не так. Нутром чую, что не так. Катька всегда была плохой актрисой. Когда она врала, у неё краснели уши и дрожали губы. Сейчас же в её глазах стояла такая искренняя растерянность, такое отчаяние, что я готов был поверить ей без всяких доказательств.

Но главный вопрос: зачем ей это? На кого работает моя бывшая? Кто стоит за этим спектаклем? Кому понадобилось втягивать женщину с ребёнком в такие тёмные игры?

Мы расстались около пяти лет назад. За день до нашего бракосочетания Екатерина собрала свои вещи и, не обмолвившись ни единым словом, ушла от меня. Сбежала, как крыса с тонущего корабля, оставив после себя только пустоту и дикую, незаживающую боль.

Я, понятное дело, сразу же бросился её искать. Землю носом рыл, подключил все свои связи, какие только можно было — от бывших партнёров по криминальному миру до нынешних, из вполне легального бизнеса. Частных детективов нанял, оперативников бывших поднял. И всё равно не сумел добиться никаких результатов. Невеста словно сквозь землю провалилась. Растворилась в воздухе, как дым от моей сигареты.

Я приезжал к её родителям, в тот самый городок, где прошло наше детство. Стоял на пороге их скромной квартиры, сжимая в руках цветы и коробку конфет, и смотрел в глаза людям, которые ещё недавно называли меня будущим зятем. Они ничего не сказали мне о местоположении своей дочери. То ли правда не знали, то ли умело врал, защищая своё дитя. В их глазах я читал страх и осуждение. Они считали меня чудовищем. И, наверное, были не так уж неправы.

Поиски сбежавшей невесты продолжались приблизительно полтора года. Полтора года надежды, разочарований, ложных следов и пустых обещаний. Я не спал ночами, прокручивал в голове наши последние дни, пытаясь найти причину. Что я сделал не так? Чем оттолкнул? Почему она ушла, не сказав ни слова?

После я остановился, подумал и решил: если Катерина вздумала сбежать от меня и спрятаться так надёжно, что даже я не могу её найти, значит, ей так лучше. Значит, именно этого она и хочет. Значит, я был для неё не тем человеком, с которым хочется идти по жизни.

Скрепя сердце, разрывая душу в клочья, я приказал прекратить поиски пропавшей девушки. Я её отпустил. Ведь не зря же говорят: «Если любишь — отпусти». Вот я и отпустил. Отпустил, но забыть так и не смог. Её образ жил во мне все эти пять лет, всплывая в самые неожиданные моменты — посреди важных переговоров, в тишине ночи, в объятиях других женщин.

Я был уверен, что мы больше никогда-никогда не встретимся. Что наша история давным-давно закончена, похоронена, оплакана и забыта. Но я ошибся. Спустя пять долгих лет, пять лет тишины и пустоты, наши дорожки пересеклись вновь. В городе, в который я приехал

в долгосрочную командировку. В городе, где через неделю должна состояться моя свадьба с женщиной, которую я не люблю.

Катерина похитила из моего сейфа флешку, но прокололась самым глупым, самым нелепым образом.

Вскрыть сейф злоумышленница сумела без особых трудностей. Ведь уже много лет в качестве пароля я использую её дату рождения. Двадцать третье мая. Я ни разу не менял этот код. Почему? Наверное, потому что где-то в глубине души надеялся, что она вернётся. Или потому что это единственное, что у меня от неё осталось.

За подобное я привык наказывать. Жёстко, беспощадно, показательно. Так, чтобы другим неповадно было. Но как мне поступить с сбежавшей невестой, я не знаю. Рука не поднимается. Всё-таки не чужие люди. Между нами слишком много всего было. Да и вдобавок у неё ребёнок...

Кстати, а кто отец девочки? Этот вопрос внезапно вонзается в мозг острой иглой. Я присматриваюсь к Марусе внимательнее, изучаю каждую чёрточку её лица, каждое движение. И какова вероятность, что ребёнок мой?

Не знаю. Думаю, околонулевая. Мы расстались пять лет назад, девочке на вид года четыре. По срокам вроде бы сходится, но... Катя ушла от меня. Если бы она была беременна, зачем ей сбегать? Зачем лишать ребёнка отца?

А что, если Катя сбежала именно потому, что изменила мне и забеременела? От кого-то другого. Испугалась, что я узнаю, что я убью её любовника, и решила скрыться. Вероятно. Вполне в её духе — спасать всех, кроме себя.

Эта мысль обжигает кислотой, разъедает душу. Неужели она могла? Неужели та Катя, которую я боготворил, способна на такую подлость?

– Конфетами колми, если не знаешь, что делать, – тоненький голосок дерзкой малявки бьёт по ушам и заставляет вырваться из собственных мыслей, возвращая в реальность.

Маруся явно не из робкого десятка. Ничего мимо себя не пропустит и абсолютно везде вставит свои пять копеек. В ней чувствуется стержень, характер, сила. Она не прогибается под взрослых, не боится авторитетов.

Хорошая девочка. Мне нравится. Чем дольше я на неё смотрю, тем больше она меня подкупает своей непосредственностью и смелостью. Я бы её с большим удовольствием с собой на сложные переговоры брал. Уверен, что она бы не растерялась и сумела зажавшихся бизнесменов за пояс заткнуть. Посадить такую малявку напротив какого-нибудь матёрого переговорщика — и смотреть, как он плавится под её детским, но таким пронзительным взглядом. Юный талант, одним словом.

– Не будет никаких конфет, – я перевожу взгляд на бывшую, и моё лицо снова становится серьёзным, даже суровым. – Речь идёт о вашем наказании, а не поощрении. Воровство – очень серьёзная статья, Уголовный кодекс, между прочим.

Я мотаю головой из стороны в сторону и поджимаю губы, изображая непреклонность, хотя внутри всё кипит от противоречий.

Ну и как мне их наказывать? Вызывать парней, чтобы те выбивали информацию о мотивах и фамилии нанимателя? Посадить женщину с ребёнком в подвал и пытаться? Устроить допрос с пристрастием?

Ну н-е-е. Не то.

Я давным-давно завязал с криминалом и ушёл из нелегального бизнеса. У меня уже давным-давно всё в белую и по закону. Офисы, счета, налоги, репутация. Я строил эту новую жизнь пять лет, выцарапывал себя из грязи, отмывался от крови. И ради чего? Чтобы сейчас сорваться из-за какой-то флешки и женщины, которая разбила мне сердце?

— Может быть, мне вас рублём наказать? — хмыкаю я, бросая пробный шар, и внимательно слежу за реакцией.

Лицо девушки словно по щелчку пальцев бледнеет, становится белее мела, почти сливаясь со стеной коридора. Кажется, мои слова сумели её неслабо так напугать. В её глазах плещется самый настоящий ужас.

Неужели Катерина испытывает финансовые трудности и какие-то жалкие десять тысяч рублей за уборку помещения сделают ей погоду? Я думал, за хищение флешки ей заплатили минимум несколько миллионов. Думал, она работает на серьёзных людей, которые не скупятся на оплату таких деликатных поручений. Но, кажется, я ошибся. Кажется, я попал пальцем в небо.

– Себя лублём накажи! – тут же встречается Маруся, хмыкая и глядя на меня, как на врага народа. В её взгляде столько презрения и вызова, что я на мгновение теряю дар речи.

Я пробегаю по ребёнку внимательным, изучающим взглядом сверху вниз. Раньше я не обращал внимания на такие детали, но сейчас вдруг вижу: одежда на ней добротная, но самая-самая простенькая и недорогая. Курточка из масс-маркета, ботиночки не первой свежести, колготки со стрелкой, которую кое-как зашили.

Перевожу взгляд на бывшую. Катя одета в рабочую униформу — дешёвую, мешковатую, с логотипом клининговой компании на груди. На ногах у неё какие-то резиновые сланцы из масс-маркета, явно не для уборки предназначенные, просто чтобы было что надеть.

Короче говоря, с деньгами у них явно какие-то неполадки. Серьёзные неполадки. Они не при деньгах, они еле сводят концы с концами. Это видно по всему: по затравленному взгляду Кати, по дешевой одежде Маруси, по этой дурацкой подработке в вечернее время.

– Яр, – Катя смотрит на меня печальными, полными слёз глазами, и эти глаза проникают мне прямо в душу, туда, куда давно никто не проникал. – Я не знаю, как флешка оказалась в моей сумочке. Клянусь тебе, чем хочешь. Меня подставили. Кто-то очень умный и очень хитрый. Рассчитайся с нами за работу. Мы уйдём и больше никогда не появимся в твоей жизни. Обещаю.

Она говорит это так искренне, с такой мольбой, что у меня сжимается сердце. Тот самый орган, который я считал давно атрофировавшимся.

Губы сами собой поджимаются в узкую линию.

А этого мне хочется меньше всего на свете. Чтобы они ушли и больше никогда не появлялись. Своим неожиданным, фантазмагорическим появлением эти две девчонки сумели добавить красок в мои серые, унылые будни. Сумели расшевелить во мне то, что я считал мёртвым. Сумели заставить моё сердце биться чаще.

Может быть, Катя и в самом деле не брала никакой флешки и её в самом деле подставили? Ну невозможно же так реалистично врать. Я, старый волк, выдавший виды, нюхом чую ложь за версту. Сейчас я лжи не чувствую. Я чувствую страх, отчаяние, растерянность. Но не ложь.

Но если подставили, то кто? Кто отключил камеры, вскрыл мой сейф, похитил флешку и подкинул её в сумочку ничего не подозревающей женщине? А главное, зачем? Кому это выгодно? Кто хочет поссорить меня с моим прошлым?

– Отстань от нас с мамой! Ты нехолоший дядя! Плохой! – возмущается девочка, и в её голосе звенят слёзы. Она готова защищать мать до последнего, даже ценой собственной безопасности.

Я смотрю на них и принимаю решение. Ладно, никакой путной информации я от них сегодня, к сожалению, добиться не смогу. Они либо правда ничего не знают, либо слишком хорошо играют. Флешка со мной, и это главное. Целостность информации я проверю позже, сейчас важнее другое.

Достаю из кармана брюк несколько пятидесятирублевых купюр — столько, сколько они заработали бы за месяц такой уборки — и протягиваю бывшей.

— Свободны. Завтра вечером придёте снова и доделаете всё, что не успели сегодня.

Я разворачиваюсь и ухожу к себе в кабинет, оставляя их в коридоре. Слышу за спиной удивлённый вздох Кати и шепот Маруси: «Мама, а дядя не такой уж плохой, да?»

Не такой уж плохой. Если бы ты знала, девочка, какой я на самом деле. Если бы ты знала, через что я прошёл. И если бы ты знала, что, возможно, я твой отец.

Захожу в кабинет, падаю в кресло и смотрю на флешку, зажатую в кулаке. Мысли путаются, скачут, не дают сосредоточиться.

Катя вернулась. Спустя пять лет. С ребёнком. Моим? Не моим? Завтра они придут снова, и у меня будет время всё выяснить.

А пока... Пока мне нужно понять, кто стоит за этой игрой. И защитить их, даже если они об этом не просят. Даже если Катя ненавидит меня. Даже если девочка не моя.

Потому что, чёрт возьми, я так и не перестал её любить.

Глава 6

Яр

Сажусь в кресло, облакачиваюсь на спинку и роняю голову на подголовник. Глаза закрываются сами собой, но перед внутренним взором всё ещё стоят они — две фигурки в коридоре, маленькая и побольше, две судьбы, которые ворвались в мою жизнь и перевернули всё вверх дном.

— Тлебую извинений. Плоси площения, — пародирую девочку и смеюсь сам с собой, хотя на душе скребут кошки.

Как же точно она спародировала меня, эту картавую "р"! В её устах это звучало так умо- рительно, так по-детски искренне, что я до сих пор не могу сдержать улыбку. Маруся... Какое смешное имя. Но какая серьёзная маленькая личность за ним стоит.

Если рассудить здраво, то Катерина бы ни за что на свете не смогла самостоятельно отключить камеры. У неё ни навыков таких нет, ни связей. Она всегда была далека от технических штучек, от хитросплетений большого бизнеса и тем более криминала. Ей наверняка кто-то помогал.

— Может быть, и в самом деле подставили? Но кто? И главное, зачем? — бормочу себе под нос, ворочаясь в кресле.

Код от моего сейфа знаю только я и моя мать. Больше никто не имеет к нему никакого доступа. Мать — человек старой закалки, она скорее язык откусит, чем выдаст чужому человеку мой пароль. Да и зачем ей травить Катю? Она всегда была против наших отношений, считала, что девушка не моего круга, но чтобы так подставлять...

Короче говоря, вопросов куда больше, чем ответов. Целая вселенная вопросов, на которые у меня нет ни единого ответа.

— Ладно, — отмахиваюсь, — главное, что пропажа нашлась.

Бросаю на стол расчёску, которую нашёл на полу в коридоре. Простая, пластиковая, с потёртостями на ручке. Судя по волосам, оставшимся на зубах гребня — густым, толстым, как проволока, — можно сделать нехитрый вывод: расчёска принадлежит Марусе. Такие волосы ни с чем не спутаешь. Мои гены. Наверное.

Верну пропажу при встрече. А то ещё расстроится, будет искать свою любимую ласчёску.

Включаю компьютер, вставляю флешку в гнездо, с замиранием сердца убеждаюсь, что пароль не взломан, информация не скопирована, не прочитана. Все файлы на месте, целы и невредимы. Затем сжимаю флешку ладонью и ломаю на две равные половины. Пластик хрустит, микросхемы издают жалобный писк, и всё кончено.

Надо было давным-давно так поступить, но я каждый раз находил причину, чтобы оставить флешку. То жалел, то думал, что пригодится, то просто боялся сделать решительный шаг. Ведь на ней хранилась информация о всех незаконных подпольных производствах в столице, которыми я когда-то управлял. Адреса, схемы, логистика. Также контакты всех поставщиков и покупателей, с которыми я работал долгие годы. И много какой ещё ценной информации, связанной с теневым бизнесом.

Короче говоря, очень ценная информация, собранная за годы нелегальной деятельности, выстраданная, вымоленная, оплаченная кровью и потом. Воспользовавшись которой, можно легко воскресить криминальную империю из пепла и вновь взять столицу под контроль. Можно было бы набрать новых людей, наладить старые связи, и пока бывшие партнёры по легальному бизнесу чесали бы репу, я бы уже правил бал.

Но это всё в прошлом. Соблазн велик, но я ему не поддамся. К чёрному бизнесу я никогда не вернусь, а значит, и информация мне уже никогда не пригодится. Она — якорь, который тянет на дно. Балласт, который мешает плыть дальше.

Открываю окно и выбрасываю сначала одну половинку флешки в окно, затем другую. Смотрю, как они летят вниз, в темноту, поблёскивая в свете уличных фонарей, и исчезают где-то в кустах.

— Прощай, моё криминальное прошлое. Теперь уж точно раз и навсегда, — ухмыляюсь и закрываю окно.

Можно было бы, конечно, поступить иначе и просто спрятать флешку в более надёжное место. Прикопать в лесочке, к примеру. Или сдать в банковскую ячейку. Или оставить у проверенного человека.

Но зачем? Восстанавливать чёрный бизнес в мои планы не входит. Продавать контакты поставщиков, рынков сбыта и в мыслях нет. Это всё мерзко, грязно, недостойно того человека, которым я стал.

Этот этап моей жизни давным-давно в прошлом. Теперь я совершенно другой человек. Я строю легальный бизнес, плачу налоги, сплю спокойно по ночам, не оглядываясь на каждый шорох.

И мне, если честно, крупно повезло, что я вовремя одумался, завязал с нелегальной деятельностью и не загремел за решётку. Многие мои знакомые, друзья, партнёры сейчас гниют в местах не столь отдалённых. А я здесь, в тёплом офисе, с дорогим компьютером и чистой совестью.

Моему батю в этом плане фортуна улыбнулась гораздо меньше. В своё время он держал весь север столицы. Был авторитетом, уважаемым человеком в определённых кругах. Батя заигрался, поверил во вседозволенность, перешагнул через красную ленточку и на старости лет загремел за решётку, где и отдал концы. Не выдержало сердце тюремных условий.

Но и это не самый ужасный пункт в его подпорченной биографии. Самое ужасное, что когда реальный срок замаячил на горизонте и помахал рукой, батя решил избежать наказания и подставить супругу, с которой прожил под одной крышей всю жизнь. Мою мать. Решил скинуть все грехи на неё, сделать из неё козла отпущения, лишь бы самому выйти сухим из воды. Но я ему не позволил скинуть грехи на маму. Подключил все свои связи, сжег кучу мостов, заплатил кучу денег, но спас мать от тюремного заключения.

К батю я ни разу в колонию так и не приехал. Не мог смотреть на него после такого свинского поступка. Не мог простить предательства по отношению к самому близкому человеку. Он умер там один, без поддержки, без надежды. И я ни капли не жалею об этом.

Одним словом, человеком батя был дерьмовым и за свои поступки отвечать не умел. Зато умел подставлять других и прятаться за чужими спинами.

Главное, что я на его ошибках научился и дров наломать не успел. Завязал с криминалом, пока было не поздно, и вернулся к нормальной жизни. Вовремя остановился, оглянулся, понял, что это дорога в никуда.

Сажусь обратно в кресло, открываю ноутбук и предпринимаю неудачную попытку вернуться к работе. Надо бы проверить почту, ответить на пару писем, согласовать документы с юристами.

Цифры плывут перед глазами, я совершенно ничего не могу понять. Буквы расплываются, строчки скачут, смысл ускользает.

Сейчас мои мысли заняты лишь счастливой парочкой: моей бывшей невестой и её картавой дочерью.

Стоит мне прикрыть веки, как их лица всплывают перед глазами. Большие глаза Кати, полные слёз и отчаяния. Смешные хвостики Маруси, её нахмуренные бровки, её бесстрашный взгляд.

Широкая улыбка сама собой растягивается на моих губах.

Как же мне хочется, чтобы и у меня когда-нибудь была семья. Любящая жена и беззаботные дети. Чтобы вечером возвращаться домой, где пахнет пирогами и слышен детский смех.

Чтобы по выходным ездить на природу, жарить шашлыки и валяться на траве. Чтобы было ради кого просыпаться по утрам и ради кого становиться лучше.

Увы, но Дилара не тот человек, с которым можно построить крепкий брак и счастливую семью. Я не вижу её в роли матери своих детей. Совершенно не вижу.

Она ветреная и очень сильно избалованная девушка. Папина дочка, привыкшая, что все её капризы исполняются по щелчку пальцев. Ей двадцать пять лет, а её голова до сих пор забита развлечениями и гулянками, тряпками и салонами красоты. Чёрт возьми, она даже не смогла доучиться в университете. Её выгнали с платного отделения за бесконечные прогулы. Она просто перестала ходить на пары, потому что ей стало скучно.

И зачем я только на ней женюсь? Ради чего продаю свою свободу, своё сердце, свою жизнь? Ради выгоды? Ради бизнеса? Ради союза с Аракчеевым?

Может, ну её в пень? Может, послать Дилару вместе с её отцом куда подальше? Наплевать на все договорённости, на все планы, на все риски?

Зачем мне связывать жизнь с девушкой, которую я не люблю? Которая мне даже не интересна? С которой нам не о чем говорить, кроме погоды и светских сплетен?

Я неоднократно задавался подобными вопросами. После встречи с бывшей их стало только больше. Катя — это живой человек. Она страдает, борется, выживает, растит ребёнка. А Дилара... Дилара — просто красивая картинка, за которой ничего нет.

Чувствую, как что-то ползёт по моей ноге. Маленькие лапки, лёгкое тельце.

— Какого хрена? — смотрю на лодыжку и вижу, как к моей штанине взбирается белая крыса.

Не понял прикола. Откуда она вообще могла взяться в моём офисе, на двадцатом этаже бизнес-центра? Она по лестнице приползла? На лифте приехала?

— Я надеюсь, ты не кусаешься? — аккуратно, стараясь не напугать, беру зверька в руки и усаживаю на стол.

Белый, как снег, пушистый зверёк смирненько сидит на столе и смотрит на меня своими умными, бусинками-глазами. В них нет страха, только любопытство. Кажется, этот малыш не боится людей, привык к ним.

Кстати, когда-то давным-давно читал статью про домашних крыс. Оказывается, они очень умные и сообразительные животные. Их даже можно дрессировать, они откликаются на имя, выполняют команды. По интеллекту сравнимы с собаками.

Выходит, что Маруся не обманывала меня, когда утверждала, что погналась за зверьком. Не врал про белую крыску. Значит, и во всём остальном она могла быть честна?

— Откуда ты взялся, дружок? — смотрю на зверушку, почёсывая её за ушком. Крыса довольно жмурится и трётся о мой палец. — А ты, случайно, не из зоомагазина, который через дорогу?

Пару дней назад читал в новостях о том, что в зоомагазине, расположенном через дорогу от моего бизнес-центра, произошла чрезвычайная ситуация. Невнимательный работник, какой-то студент-практикант, забыл закрыть клетку с грызунами, и весь зверинец разбежался кто куда. Хомяки, морские свинки, шиншиллы и несколько декоративных крыс.

В новостях писали, что всех зверят поймали и вернули в свои домики. Но, видимо, не всех, и кто-то, самый хитрый и проворный, остался жить на улице. Или прятался в подвале, а потом пробрался в здание.

— Тебе повезло, — поглаживаю зверушку указательным пальцем, и она довольно урчит, как маленький пушистый моторчик. — ты не вернёшься ни на улицу, ни обратно в зоомагазин. У тебя будет домик. И милейшая хозяйка. Даже две милейшие хозяйки.

Я уже знаю, что делать. Крыса — это ключ. Это мостик к ним. Маруся гонялась за ней, значит, она будет счастлива получить её в подарок. Это будет мой предлог, моя возможность снова увидеть их.

Узнаю адрес проживания бывшей, заскакиваю в зоомагазин за клеткой и еду в гости к бывшей...

Но перед этим заскакиваю в лабораторию и оставляю найденную расчёску. Плачу просто конскую сумму денег генетику, чтобы тот, несмотря на поздний час, приступил к работе.

Я долго думал, прикидывал возраст Маруси и считал месяцы. Мы расстались с Катей ровно пять лет и три месяца назад. Марусе на вид четыре с половиной. По срокам идеально сходится. Мысль о том, что я могу являться родным отцом этого чудесного ребёнка, этой дерзкой, смешной, картавой малышки, плотно засела у меня в голове и не отпускает.

И уже сегодня, буквально через пару часов, я узнаю правду.

Сжимаю в кармане ключи от машины, беру коробку с крысой и выхожу из кабинета.

Сердце колотится как бешеное. Я еду к ней. К ним.

И если моя догадка подтвердится... Если Маруся — моя дочь... Я не знаю, что буду делать. Но точно знаю, что просто так я их больше не отпущу. Хватит бегать. Хватит прятаться.

Пора строить настоящую семью. С теми, кто действительно дорог.

Глава 7

Екатерина

— И жили они долго и счастливо. Конец, — дочитываю сказку и закрываю книжку. Тёплый свет ночника мягко ложится на страницы, на руки, на лицо доченьки, создавая вокруг нас маленький уютный мирок, отгороженный от всех бед и тревог. — А теперь спи, родная моя. Закрывай глазки и смотри свои сладкие сны.

— А они лазведутся? — спрашивает доченька, дослушав сказочку, и в её голосе звучит неподдельная тревога, словно судьба сказочных героев для неё важнее всего на свете.

Я замираю. Марусе четыре года, откуда она таких слов понахвататься успела? В её годы я знать не знала, что такое развод, жила в своём маленьком мире кукол и бантиков, где все были счастливы всегда.

Наверное, воспитательницы в детском саду снова слишком громко обсуждали свои повседневные проблемы и личную жизнь, а детишки, как маленькие губки, впитывали всё, что слышали. Или, может быть, подружки по песочнице делились семейными драмами. В любом случае, грустно от того, что дети в таком возрасте уже сталкиваются с реалиями взрослой жизни.

— Нет, родная моя. Прекрасная принцесса не разведётся с прекрасным принцем. У них всё будет хорошо, и умрут они в один день, как и положено в настоящих сказках, — тереблю доченьку по густым волосам, пальцами распутывая локоны, пропускаю сквозь них тепло и любовь.

Увы, но в жизни не бывает как в сказке. Люди сплошь и рядом сходятся и расходятся. Сейчас уже никого не удивит новость о разводе и разделе имущества. Институт семьи постепенно утрачивает свои ценности, превращаясь в формальность, в штамп в паспорте, который можно легко поставить и так же легко аннулировать. Как бы грустно это ни звучало, но мы живём в эпоху одноразовых отношений.

— Мама, а почему ты лазвелась с папой? — спрашивает доченька и хлопает своими длинными ресницами, глядя на меня с той детской непосредственностью, от которой у меня сжимается сердце.

С Темниковым мы не разводились. До свадьбы дело не дошло. К счастью, я вовремя узнала, какой он человек на самом деле, и успела сбежать, сверкая пятками, пока не стало слишком поздно. Но как объяснить это четырёхлетнему ребёнку? Как рассказать про криминал, про тюремные сроки, про подставы и предательство?

— Родная моя, — я прикасаюсь губами ко лбу дочери, чувствуя тепло её кожи, вдыхая родной запах детского шампуня. — Ты ещё слишком маленькая, чтобы вникать во все эти взрослые проблемы. Люди сходятся и расходятся по разным причинам. Иногда они понимают, что не подходят друг другу, что не могут сделать друг друга счастливыми. Когда ты станешь постарше, я обязательно тебе всё расскажу. Договорились? — я ловко ухажу от ответа, но чувствую, как внутри разрастается чувство вины.

Честно признаться, что-то рассказывать Марусе о её родном отце и о том, что она чисто случайно встретила с ним сегодня, мне не хочется. Да и ни к чему. Она ещё слишком маленькая для этого. Ей не нужны подробности моих ошибок, моих страхов, моего побега.

Лет через десять мы обязательно поговорим, и я расскажу доченьке, кто её папа. Но только самое необходимое, только факты. Подробности моего побега, унижительный разговор с будущей свекровью, которая фактически выкупила меня из жизни сына, — это останется со мной. Это моя ноша.

— Холошо... — произносит Маруся на выдохе грустным голосом и обиженно опускает глазки в пол, пряча в них целый океан детских переживаний.

— Мама, а можно последний воплос?

Я киваю, заранее догадываясь, о чём именно спросит доченька. У неё сейчас период «почемучки», и она не успокоится, пока не получит ответы на все свои вопросы.

— А мой папа, он кто? Ну, он холоший человек? Доблый? Животных любит? — спрашивает Маруся и смотрит на меня своими большими карими глазами, полными детской наивности и надежды. В них столько веры в чудо, столько ожидания, что где-то там, в большом мире, есть он — добрый, сильный, любящий папа, который просто пока не знает о ней.

Хороший Темников человек или нет, я не могу сказать однозначно. Всё ведь это сугубо субъективное мнение. Одинаково хорошим для всех быть нереально. Для кого-то ты будешь хорошим, для кого-то самым лучшим на свете, а для кого-то — ночным кошмаром, воплощением всех страхов.

Когда-то, семь лет назад, я была уверена, что Темников — идеальный мужчина: добрый, внимательный, любящий, заботливый. Он носил меня на руках, дарил цветы без повода, смотрел с таким обожанием, что у меня подкашивались колени. Я думала, что встретила мужчину своей мечты, своего принца.

Но после разговора с его матерью всё изменилось. Моё представление о нём перевернулось с ног на голову. Из образа идеального мужчины он превратился в олицетворение моих худших страхов. Она рассказала мне, кем он был на самом деле, какие дела вёл, какие грехи на его совести. И я поняла: с таким человеком у меня нет будущего. Только страх, только боль, только вечное ожидание беды.

— Да, твой папа хороший человек, — произношу на выдохе и невольно поджимаю губы, чувствуя горечь этого вынужденного вранья.

Пусть Маруся думает, что её папа на самом деле достойный человек. Пусть у неё будет этот светлый образ, эта надежда. Хотя это и неправда... Хотя я и знаю, какой он на самом деле. Но ребёнку нужен идеал, нужен герой.

— А кто он? — задаёт свой очередной вопрос доченька, и я чувствую, как её любопытство нарастает с каждой секундой.

Почему доченька решила засыпать меня вопросами именно сейчас, я не знаю. Может быть, встреча с Темниковым сыграла свою роль? Может быть, она почувствовала что-то на уровне интуиции, какую-то незримую связь, родную душу? Говорят, дети чувствуют такие вещи. Не знаю...

— Маруся, родная моя, — я снова целую доченьку в лоб, в тёплую кожу, пахнущую молоком и сном. — Я тебе расскажу о папе всё, что ты спросишь. Но немного позже. Хорошо? Времени уже много, на часах почти десять. А нам завтра рано вставать. Обещаю, мы обязательно поговорим об этом. Хорошо? — я приобнимаю доченьку, чувствуя, как её маленькое тельце расслабляется в моих руках.

— Холосо... — обиженно дует губки Маруся, но в её глазах уже нет прежнего упрямства, только лёгкая грусть.

Иной раз я смотрю на Марусю и понять не могу, сколько ей лет. Такое чувство, что в теле ребёнка сидит взрослый и рассудительный человек, который всё понимает, всё чувствует, но по какой-то причине вынужден молчать.

Дочка не стала плакать и капризничать, не стала топтать ножками и требовать ответов. Она просто согласилась. Вдохнула, надула губки, но согласилась. Совсем как взрослая.

И подобное происходит не в первый раз. Доченька ни разу не закатывала истерик в магазине игрушек, слёзно не выпрашивала новую куклу или машинку. Такое чувство, что она понимает, что у нас некоторые финансовые трудности, и не просит лишнего, не хочет меня расстраивать. Иногда мне кажется, что это я должна у неё учиться терпению и мудрости.

— Спи, моя радость, — целую доченьку в лобик, чувствуя губами тепло её кожи. — Пусть тебе приснится большой пушистый котик. Рыженький и полосатый, как солнышко.

– Не хочу котика, – мотает головой из стороны в сторону Маруся, и её хвостики смешно подпрыгивают на подушке. – У Ленки в садике целых два котика. Так они цалапаются и по углам писают. Фу, не хочу таких.

Широкая улыбка расцветает на моём лице, разгоняя все тревоги. Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться в голос.

Не знаю почему, но слова дочери показались мне невероятно забавными. Рассуждает прям как человек, сдающий квартиру в аренду и оценивающий риски. Два котика, царапаются и писают по углам — серьёзная причина для отказа от заведения питомца!

– А какую зверушку ты хочешь? – спрашиваю, всё ещё улыбаясь.

– Клыску. Ну ту, беленькую, что я догнать не смогла, – грустно вздыхает Маруся, и в её глазах появляется мечтательное выражение.

Дочь всю дорогу домой рассказывала мне, что гонялась по коридору бизнес-центра за какой-то белой как снег то ли крысой, то ли мышью. Я так и не сумела понять, что это было на самом деле. Было ли это наяву или бурная детская фантазия просто разыгралась после долгого и утомительного вечера. Я склонялась ко второму, но в глубине души надеялась, что хоть какое-то чудо случилось в этот странный день.

Громкий, настойчивый стук в дверь заставляет меня вздрогнуть всем телом. Сердце пропускает удар, а потом начинает колотиться с бешеной скоростью.

— Кого это к нам на ночь глядя принесло? — шепчу я, боязливо поглядывая на стрелки часов. Десятый час вечера. Время, когда порядочные люди уже спят или смотрят телевизор, а не ходят по гостям.

Мы никого не ждём. Гости к нам не ходят — друзей у меня в этом городе почти не осталось, родственники далеко. Курьерской доставкой мы не пользуемся — лишних денег нет. Кому мы могли понадобиться в такое время?

— Это папа! Это мой папа пришёл! — вдруг радостно вскрикивает Маруся, и её глаза загораются таким счастьем, что у меня перехватывает дыхание.

Она скидывает с себя одеяло, вскакивает с кровати и, босая, в одной пижамке, сломя голову несётся к входной двери, шлёпая маленькими пятками по полу.

– Маруся, вернись в кровать! Сейчас же! – строжусь я, но в голосе моём больше страха, чем строгости.

Но доченька меня не слушается. Она останавливается посередине коридора и замирает в ожидании, глядя на дверь с таким трепетом, словно за ней сейчас должно произойти чудо всей её жизни.

– Дверь мы открывать никому не будем. Тихонечко в глазок посмотрим, и на этом всё, – говорю я, стараясь успокоить и её, и себя.

Ещё бы я не открывала дверь в десять часов вечера в нашем районе. Район у нас, мягко говоря, не самый безопасный. Много алкашей шатается по подъездам, компаний подозрительных, прочей нечисти. Каждый вечер я молюсь, чтобы мы просто дошли до дома без приключений.

Я была бы и рада переехать в район поцивильнее, поближе к центру, к нормальным людям, к детским площадкам без шприцев. Но, к сожалению, лишних денег нет. Каждая копейка на счету, каждая тысяча распланирована на месяц вперёд. Вот и приходится довольствоваться самой недорогой недвижимостью в самом отдалённом районе города. Дальше нас только промышленная зона, в которой люди уже не живут, только заводы и склады.

На цыпочках, стараясь ступать как можно тише, подкрадываюсь к входной двери. Сердце колотится где-то в горле, мешая дышать. Я заглядываю в глазок — и напрочь теряю дар речи.

В подъезде, под тусклой лампочкой, которая мигает уже который месяц, стоит ОН.

В правой руке у него огромная клетка, внутри которой сидит белоснежный пушистый зверёк и с любопытством вертит головой. В левой руке — шикарный букет цветов, от вида которого у меня захватывает дух.

Мой бывший.

Ярослав Темников собственной персоной.

— Это мой папа пришёл... — произношу одними лишь губами слова дочери, и они отдаются во мне ледяным эхом.

Темников вернулся. Но зачем? Чтобы ещё раз спросить с меня за флешку, которую я не крала? Чтобы устроить скандал? Чтобы арестовать меня?

Или он преследует какую-то другую цель?

Я смотрю на клетку, на зверька внутри, на букет и не могу пошевелиться. Ноги приросли к полу, руки похолодели, в голове — полная пустота.

— Мама, откывай! Это папа! Я знаю! — Маруся дёргает меня за халат, и в её голосе столько радости, столько надежды, что у меня сердце разрывается на части.

Что мне делать? Открыть? Не открыть? Впустить его в нашу жизнь? Или захлопнуть дверь и надеяться, что он уйдёт?

Стук повторяется — громче, настойчивее.

— Катя, открой, я знаю, что ты там! — слышу его голос через дверь. — Я не причиню вам вреда. Я пришёл мириться.

Маруся смотрит на меня снизу вверх, и в её глазах столько мольбы, что я понимаю: у меня нет выбора.

Медленно, словно в страшном сне, я поворачиваю замок. Щелчок отдаётся эхом в тишине прихожей.

Дверь открывается. На пороге стоит Яр. В его глазах — буря эмоций. Он смотрит на Марусю, потом на меня, потом снова на неё.

— Привет, — говорит он хрипло. — Я, кажется, кое-что нашёл. Вернее, кое-кого.

Он ставит клетку на пол, и Маруся с визгом бросается к ней, приседая на корточки.

— Клыска! Мама, это та самая клыска! — кричит она, и её счастьем нет предела.

Я поднимаю глаза на Яра. Он протягивает мне цветы.

— Прости меня, Катя. За всё. За флешку, за подозрения, за тот разговор с матерью. Я всё узнал. Я всё понял. И я хочу всё исправить.

В его руках я замечаю конверт. Из лаборатории.

Моё сердце останавливается.

Он знает.

Глава 8

Яр

— Привет, прости, что так поздно. В моём кабинете и в самом деле бегала мышка. Да, именно так и скажу, — бубню себе под нос, стоя под дверями квартиры моей сбежавшей невесты и чувствуя себя последним идиотом, впервые в жизни не знающим, куда деть руки и какую ногу поставить, чтобы не выглядеть полным кретином.

Если бы мне кто-то ещё вчера сказал, что я буду, словно какой-то желторотый мальчишка, стоять под дверью и ссыкливо переминаться с ноги на ногу, не задумываясь, записал бы в брехуны, послал бы далеко и надолго с такими прогнозами, а может, и в глаз бы дал за оскорбление. Однако сейчас всё именно так и происходит. Реальность, как это часто бывает, превзошла самые смелые ожидания моего больного воображения.

Я переправлял через границу санкционный товар на миллионы долларов, прятал его в тайниках, оборудованных прямо в фурах с двойным дном, отбивался от конкурентов с помощью силы и хитрости, и по моей спине не бегали предательские мурашки, руки не дрожали, голос не срывался на фальцет. Но сейчас всё совершенно иначе. Я потею, словно подросток в пубертате перед первым поцелуем с девушкой, которая мне даже не отвечает взаимностью. Сердце колотится где-то в горле, мешая дышать и думать, забиваясь в уши глухим стуком.

И причину подобного поведения я, увы, найти не могу. Нет ей рационального объяснения. Это не поддаётся никакой логике, никакому анализу, никакому просчёту вероятностей, к которым я привык за годы ведения дел.

Своим неожиданным появлением Катерина сумела перевернуть мой внутренний мир с ног на голову. Ворвалась в мою жизнь, как ураган, и разметала все карты, которые я так старательно выстраивал годами, как карточный домик, рассыпающийся от одного дуновения ветра.

Чёрт возьми, я крепко задумался над тем, чтобы разорвать отношения с Диларой и выступить против её отца, старого матёрого волка Аракчеева. Я понимаю, что это безумство и подобная выходка может потопить мой бизнес, пустить ко дну всё, что я строил последние пять лет, все эти офисы, контракты, связи. Но сейчас меня это беспокоит меньше всего на свете. Какая-то непонятная, всепоглощающая сила толкает меня вперёд, заставляет рисковать всем, что у меня есть, наплевав на последствия.

Картавая малявка запала мне в самое сердце. Прорвала брешь в той стене, которой я отгородился от мира после её побега, разрушила укрепления, которые я возводил годами. Дьявол, мне хочется быть её папой. Заботливым, в меру строгим, но самым лучшим отцом на свете. Водить её в зоопарк, читать сказки на ночь, учить кататься на велосипеде и защищать от всех обидчиков, от всех этих подонков, которые шастают по подъездам.

В том, что у Катерины нет никакого мужчины, сомнений нет. Я успел заметить. На её правой руке, на безымянном пальце, я не заметил кольца. Ни обручального, ни даже простого колёчка, которое женщина носит просто так, когда у неё есть мужчина. Кожа на этом месте чистая, без следов от украшений.

Да и вообще ни один нормальный мужик ни за что на свете не допустил бы того, чтобы его женщина с ребёнком жила в какой-то убитой панельной пятиэтажке в самом криминальном районе города. Ни один, у кого есть совесть и капля ответственности. Если, конечно, этот мужик сам не такой же опустившийся алкаш, каких я тут рассмотрел.

На двери, ведущей в подъезд, даже домофона нет. Вернее сказать, он есть, точнее, висит, но уже давно потерял свою основную функцию. Местная шпана прожгла все кнопки сигаретами, выдрала провода и вывела домофон из строя окончательно и бесповоротно. Теперь это просто кусок пластика с дырами.

Местный контингент, откровенно говоря, просто ужас. Пока я шёл от машины до подъезда, встретил несколько пьяных в стельку мужиков с дикими глазами и опухшими от выпивки мордами. Они шатались, матерились, пинали пустые бутылки, горланили песни. Один из них попытался ко мне пристать, что-то спросить, но, увидев мой взгляд, которым я смотрел на него, резко передумал и ретировался в кусты, даже не оборачиваясь.

Ну а чего ещё можно ожидать от подноготного райончика? Это же дно. Самая окраина, куда не доходит рука закона, куда полиция приезжает только по вызову о трупе. Алкаши, наркоманы, мелкие жулики любят селиться именно здесь, подальше от центра, от лишних глаз, от нормальной жизни.

Я не знаю, от кого родила Катерина, но со стопроцентной вероятностью могу сказать, что ей круто не повезло с мужчиной. Если, конечно, он вообще был в её жизни после меня. А если был, то я готов придушить этого козла собственными руками за то, что он допустил такое существование, за то, что бросил их в этой дыре.

— Прости, Дилара, но нам с тобой не по пути, — зажимаю клетку между ног, ну, чтобы не ставить на грязный пол, и стягиваю с правой руки обручальное кольцо, которое она мне надела всего месяц назад в ЗАГСе при подаче заявления. Кольцо скользит по пальцу и исчезает в кармане куртки.

Может быть, я и пожалею о своём выборе, когда окажусь на развалинах своего бизнеса. Может быть, буду кусать локти и рвать на себе волосы, проклиная тот день, когда встретил Катю. Но сейчас мне плевать. Абсолютно. Впервые за долгие годы я чувствую, что поступаю правильно, что слушаю не голову, а сердце.

Пусть отец Дилары обозлится и запишет меня во враги. Пусть объявит войну, пусть подключит все свои связи, пусть попробует уничтожить меня. Всё равно.

Не хочу я связывать свою жизнь с нелюбимым человеком. Не хочу просыпаться каждое утро рядом с женщиной, которая мне безразлична, и делать вид, что я счастлив. Супружество — это не на один день, это на всю жизнь. Это ежедневный труд, это радость и горе пополам, это общие дети и общие проблемы.

А на протяжении всей жизни спать с нелюбимой в одной постели мне не хочется. Жизнь слишком короткая штука, чтобы разменивать её на ненужных людей, на пустые отношения, на фальшивые улыбки и обязательства, которые душат.

Всю дорогу от офиса до зоомагазина, от зоомагазина до цветочного, от цветочного до этого района я думал, брала Катерина флешку или нет. Перебирал в голове все детали сегодняшнего вечера, каждую мелочь, каждый взгляд. И решил, что всё-таки нет. Чем больше прокручивал в голове сегодняшний вечер, тем больше убеждался в её невинности.

Я не знаю, как она попала в её сумочку. Понятия не имею. Но будем считать, что её и в самом деле подставили. Я выбираю верить. Верить ей, а не фактам. Верить сердцу, а не голове.

Перед тем как подать заявление в ЗАГС в первый раз, мы несколько лет встречались. Я очень хорошо успел выучить Катерину, изучить все её привычки, жесты, интонации, её манеру врать и краснеть, когда она врёт. И со стопроцентной вероятностью могу сказать, что она никогда не возьмёт чужого. Это не в её характере. Она скорее с голоду умрёт, чем украдёт. Это я вор, я бандит, я грешен. А она — ангел.

Перевожу дыхание, набираюсь смелости и прожимаю кнопку дверного звонка. Резкий, противный звук разрывает тишину подъезда, и я тут же бью себя по рукам.

Идиот! Кретин! В десять часов вечера четырёхлетняя Маруся наверняка уже давным-давно в постели, смотрит свои детские сны, видит розовых пони и говорящих мишек. И тут я такой пришёл, как слон в посудной лавке, и в звонок звоню, бужу ребёнка, нарушаю их покой. Надо было тихонечко костяшками постучать, как-то более деликатно, по-человечески. Ну или завтра утром прийти, с самого утра, по-хорошему.

Я хотел отложить свой визит на завтрашнее утро. Честно, хотел. Даже сел в машину, завёл мотор, включил передачу. Но не смог. Ноги сами нажали на газ, руки сами крутанули руль. Меня вело каким-то внутренним магнитным полем. Сначала в магазин зоотоваров за клеткой, где я, как последний лошок, выбирал самую большую и красивую, советовался с продавщицей, какой корм лучше, какая подстилка нужна. Затем в цветочный, где купил огромный букет хризантем — она их любила, я помню, они пахнут осенью и детством. И, наконец, сюда, к бывшей.

Громкий треск дверного замка бьёт по ушам и заставляет невольно поджать губы. Сердце пропускает удар, а потом разгоняется в бешеном темпе, готовое выпрыгнуть. Катерина посмотрела в глазок, немного подумала — я видел тень за дверью, её силуэт — и всё-таки решила открыть.

Дверь приоткрывается, и я вижу её. Растрёпанную, в домашнем халате, без капли косметики, но такую родную, такую желанную, что у меня перехватывает дыхание.

— Привет, — выдавливаю из себя. — Прости, что так поздно. Я ненадолго. В моём кабинете и в самом деле бегала мышка, — произношу заготовленную речь, которая сейчас кажется мне верхом идиотизма, и выдавливаю из себя улыбку. — Это тебе.

Я протягиваю букет в руки девушки, и наши пальцы на мгновение соприкасаются. От этого короткого касания по руке пробегает разряд тока, словно я схватился за оголённый провод. Она принимает цветы, вдыхает их аромат, а я краем глаза поглядываю на Марусю, которая скромно стоит за спиной матери, высунув любопытный носик и хлопая глазищами.

— Маруся, а это твой новый друг, — я ставлю клетку со зверьком у порога и открываю дверцу, чтобы девочка могла рассмотреть подарок.

— Беляш! — радостно вскрикивает Маруся и со всех ног, шлёпая босыми пятками по полу, бежит знакомиться со своим новым другом.

Она приседает на корточки, заглядывает в клетку, и её глаза сияют таким чистым, незамутнённым счастьем, что у меня самого наворачиваются слёзы на глаза. Честное слово, слёзы! Я, Ярослав Темников, по кличке Яр, прошедший огонь и воду, стоял и чуть не плакал от умиления.

Смотрю на счастливого ребёнка и невольно улыбаюсь во весь рот. Неподдельные детские эмоции, как же они всё-таки прекрасны... Как они очищают, лечат, дают надежду на то, что в этом мире ещё есть что-то светлое.

— И правда мышка, — произносит Катерина на выдохе и опускает глаза в пол, стараясь избежать моего взгляда. Она мнётся, переступает с ноги на ногу, явно не зная, как себя вести, что говорить.

— Спасибо, дядя Ял! — Маруся отрывается от клетки, подбегает ко мне и благодарит, обращаясь по моей старой кличке.

Это я раньше был Яром, когда возглавлял группировку, когда держал район, когда решал вопросы с помощью кулаков и оружия. Но уже давно я Ярослав Дмитриевич, уважаемый человек. А для домашних просто Ярослав. Или, может быть, скоро — папа?

Катерина прикасается носом к цветам, вдыхает аромат свежих бутонов и покрывается краской. Румянец заливает её щёки, шею, даже уши начинают гореть алым цветом.

Кажется, ей давно никто не дарил цветов. Очень давно. Судя по её реакции, по этой трогательной растерянности, последний раз это было в прошлой жизни.

Когда мы жили вместе, в её вазе постоянно стояли свежие цветы. Один букет сменял другой, и так постоянно, без перерыва. Я дарил своей любимой женщине цветы каждую неделю, просто так, без повода, потому что любил видеть её улыбку.

Мне доставляло невероятное удовольствие смотреть на то, как моя женщина радуется свежим цветочкам, как вдыхает их аромат, закрывая глаза, как ставит их в вазу, долго поправ-

ляя каждый стебель, каждую веточку. Последний раз я дарил ей цветы пять лет назад, в тот день, когда она ушла... Интересно, те цветы завяли или она их засушила на память?

Маруся, недолго думая, уже открыла клетку и выпустила своего нового друга на волю. Зверёк огляделся по сторонам, поводит носом и стремглав убежал изучать своё новое жилище, скрывшись где-то в глубине квартиры.

– Аккуратнее, чтобы не погрыз мебель, – произношу я, проводив удаляющуюся спину ребёнка взглядом.

Хотя это лишнее. Внутреннее убранство квартирки, мягко сказать, небогатое. Даже убогое. Немногочисленную мебель — старый диван, шаткий шкаф, разохшийся стол — уже давным-давно погрызли и пожевали, наверное, ещё прежние жильцы. Ремонт, как сейчас модно говорить, в «бабушкином» стиле: драные обои, потрескавшийся линолеум, облупившаяся краска на окнах.

– Спасибо за зверька. Маруся именно такого и хотела, – слабая улыбка пробегает по губам девушки, и на мгновение я вижу ту самую Катю, которую знал когда-то, ту, в которую влюбился без памяти.

– Здорово, я очень рад, что ей понравился зверёк, — я бросаю взгляд на криво висящие настенные часы с кукушкой, которая давно уже не кукует. Время уже позднее, почти одиннадцать, и обременять девушку своим присутствием уже как минимум нехорошо. Я и так ворвался в их жизнь без предупреждения, без звонка.

– Я пойду. Завтра приходи пораньше. Можешь прямо к восьми утра. И Марусю бери с собой.

– Хорошо, – кивает Катя и отвечает обречённым голосом, явно думая, что её ждёт тяжёлый день с тряпкой и ведром, согнувшись в три погибели.

Если Катюша думает, что я буду гонять её по офису с тряпкой и заставлять драить полы, она круто заблуждается. Ни тряпка, ни моющие средства, ни резиновые перчатки ей завтра не пригодятся.

Для неё у меня есть другая работа. Я давно ищу себе личного помощника. Толкового, ответственного, которому можно доверять как себе. Почему бы не попробовать на эту должность свою бывшую невесту? Мать моего ребёнка?

— Мыть тебе ничего не придётся, — говорю я, глядя ей прямо в глаза, пытаюсь передать взглядом всю серьёзность своих намерений. — Работа в офисе, с документами, с компьютером. Попробуешь, если понравится, будешь работать официально, с белой зарплатой, с соцпакетом, если нет — найдём что-то другое.

Я подмигиваю ей, как в старые добрые времена.

– До завтра, – прощаюсь и делаю шаг назад, в тёмный, воняющий сыростью подъезд.

– До завтра... – произносит она полушёпотом в ответ, и в её голосе слышится что-то похожее на надежду.

Через час я уже сижу на своем диване в своей холостяцкой квартире, которую никогда не спешил делить с Диларой, и листаю наш старый фотоальбом. Вот уже пять лет я бережно храню все наши совместные фотографии, хотя, по идее, должен был давно сжечь их в камине, чтобы не мучиться, не бередить душу.

Время от времени, когда тоска становится совсем невыносимой, когда ночью не спится, я открываю фотоальбом и пролистываю его страницу за страницей. Ностальгирую по тем мгновениям, когда мы были вместе, когда были по-настоящему счастливы, когда будущее казалось светлым и безоблачным, как небо после дождя.

Кажется, что фотографировались мы буквально вчера, а на деле прошло много-много лет. Целая жизнь. Другие люди, другие приоритеты, другие женщины.

Вот мы на пикнике, Катя смеётся, и ветер развеивает её волосы. Вот я держу её на руках на фоне моря, и она обнимает меня за шею. Вот мы целуемся в парке, и прохожие улыбаются нам, глядя на эту идиллию.

Громкий, наглый стук кулаком в дверь заставляет оторваться от фотографий и вынырнуть из сладкого плена воспоминаний.

— Двенадцать часов ночи. Кому неймётся, бл..? — ругаюсь я вслух, откладывая альбом в сторону, и иду открывать дверь.

Вслепую дверь не открываю, привычка, выработанная годами опасной жизни. Сначала смотрю в глазок.

На лестничной клетке, в свете тусклой лампочки, в сопровождении трёх верзил в чёрных костюмах стоит и переминается с ноги на ногу Аракчеев Рашид Русланович. Его холёное лицо перекошено от злости, глаза сверкают, как у волка, почуявшего добычу.

Что ему от меня надо в такой поздний час? Обычно он заранее предупреждал о своём визите, звонил, договаривался, соблюдал приличия. Но именно сегодня почему-то решил устроить сюрприз, без приглашения, без звонка, врываясь в мою жизнь как хозяин.

Открываю дверь и спрашиваю максимально спокойно, хотя внутри уже всё закипает, как лава в вулкане:

– Рашид Русланович, чем обязан таким поздним визитом? Что-то случилось?

– Перетереть надо пару моментиков, – произносит он снисходительным, хозяйским голосом и смотрит на меня так, словно я перед ним в чём-то провинился, словно я нашкодивший мальчишка, которого сейчас будут отчитывать.

– Проходите, пообщаемся, – я делаю шаг назад, пропуская его. – Только без этих, — киваю на верзил. — Охранники вас и на лестничной клетке подождут. У меня не проходной двор, и я не собираюсь устраивать здесь цирк.

Аракчеев кривится, но жестом просит охранников остаться на лестничной клетке, а сам заходит в квартиру и закрывает за собой дверь.

— Чем обязан? — я скрещиваю руки на груди, принимая закрытую позу, готовый к обороне.

Терпеть не могу, когда кто-то вваливается в мой дом без приглашения. Это нарушение всех границ, всех правил приличия, это неуважение.

— Мне тут птичка начирикала, что ты мою любимую дочурку обижаешь, — Аракчеев мотает головой из стороны в сторону и прожигает меня ненавистным взглядом, полным презрения и высокомерия.

– Рашид Русланович, а вы что, за мной следите, да? – хмыкаю я и в устрашающем жесте сжимаю кулаки. Да так сильно, что белеют костяшки, а ногти впиваются в ладони до боли.

Старый совсем охренел, что ли? Решил, что может вот так просто вторгаться в мою жизнь, следить за каждым моим шагом, как за подчинённым? Не доверяет своему ключевому партнёру, с которым собирается породниться?

— Я должен был знать, какому человеку отдаю свою единственную дочурку, — цедит он сквозь зубы. — И, как оказалось, не зря переживал, не зря следил.

Он хмурится, и его лицо становится ещё более неприятным, хищным.

— Решил кинуть Диларку накануне свадьбы? Решил опозорить мою девочку перед всеми гостями, перед всей нашей роднёй? Ты хоть представляешь, какие последствия тебя ожидают за такое свинство?

А Аракчеев проницательный. Я ещё ничего не говорил, ни слова не сказал о своих планах, а он уже в курсе. Уже знает, уже готов нанести удар.

Я смотрю на этого старого хрыча и понимаю: Дилара вместе со своим папашей идут на хрен. Все эти годы я прогибался под них, терпел, соглашался на условия, жертвовал собой. Больше не буду.

Я выбрал любовь! Впервые за долгие годы я сделал выбор сердцем, а не головой.

Поборюсь за сердце Катюши! Верну свою любимую женщину, чего бы мне это ни стоило! Разрушу любые преграды, смету любых врагов.

— А с чего такие выводы? — хмыкаю я, стараясь сохранять спокойствие. — Тоже птичка начирикала, да? — я издеваюсь, но внутри всё кипит.

— К чужим бабам с прицепом таскаешься, — цедит Аракчеев, и его голос сочится ядом. — К бывшим своим шмарам. Цветочки даришь, крыс даришь. Нехорошо, нехорошо, Ярослав. Не по понятиям.

Урод следил за мной! От самого офиса до этого чёртова района. Видел, как я заходил в зоомагазин, в цветочный, как стоял под дверью Кати.

Если у него хватит смелости напасть на девчонкам, если он посмеет тронуть их хоть пальцем, я его с землёй сровню и не посмотрю на разницу в возрасте, на его связи, на его деньги. Я уничтожу его, сотру в порошок, размажу по стенке.

Вибрация мобильного разрывает на мгновение повисшее между нами молчание. Телефон в кармане оживает, оповещая о новом сообщении.

— Секунду, — бросаю я Аракчееву, достаю из кармана мобильник.

Открываю входящее сообщение из лаборатории. Той самой, куда я сегодня отвёз расчёску Маруси. Палец скользит по экрану, открывая заключение генетической экспертизы.

Я пробегаю взглядом по строчкам, и мир вокруг меня перестаёт существовать.

Вероятность отцовства — девяносто девять и девять процентов.

Цифры плывут перед глазами, расплываются, но смысл их кристально ясен. Маруся — моя родная дочь. Мой ребёнок. Моя кровь. Моя плоть. Маленькая девочка с хвостиками и картавым «р», о существовании которой я не знал на протяжении долгих пяти лет.

Чувствую, как внутри меня всё сжимается в тугую, болезненный узел. Сердце пропускает удар, а потом разгоняется так, что готово выпрыгнуть из груди. В горле пересыхает, в глазах темнеет.

Выходит, Катенька сбежала от меня, находясь в положении. Уже беременная нашей дочерью. Она носила под сердцем моего ребёнка и решила уйти, спрятаться, исчезнуть.

Но почему? Почему она ничего не сказала мне? Почему утаила самую главную новость в жизни? Почему лишила меня возможности быть рядом, растить свою дочь, любить их обеих?

Я не знаю... Я ничего не понимаю...

— Дурные вести? Ты прям с лица спал, — хмыкает Аракчеев, и его голос вырывает меня из оцепенения. — Проблемы, Ярослав?

— Ага, дурные, но только для вас, — я поднимаю на него глаза, и в них, наверное, плещется такая ненависть, что старик делает шаг назад. — Свадьбы не будет, Рашид Русланович. Забудьте. А теперь прошу освободить помещение!

Я взглядом указываю на дверь, и в этом взгляде — приказ.

— Э-э-э, нет, — он мотает указательным пальцем из стороны в сторону, и на его лице появляется мерзкая, самодовольная ухмылка. — Так не пойдёт, дорогой. Я не позволю тебе опозорить моего ребёнка, мою кровиночку. Свадьба будет. Состоится, как и планировалось.

Он делает паузу и добавляет то, от чего у меня кровь стынет в жилах, превращаясь в лёд:

— А проблему с твоей бывшей девкой и её отродьем уже решают мои ребята. Так что не переживай, гражданин Кузнецова и её щенок больше никогда не побеспокоят тебя.

Что он сказал?

Мир схлопывается в точку. Полоумный дед натравил на моих девочек своих шакалов? Своих головорезов? Сейчас, ночью, пока я стою здесь и разговариваю с ним?

— Ты охренел, старый?! — рычу я, хватаю его за грудки, поднимаю над полом и как следует встряхиваю. Его ноги болтаются в воздухе, глаза вылезают из орбит от ужаса. — Что с моими девочками?! Что ты сделал?! Говори, сука!

Ворот рубашки впивается ему в шею, начинает душить, лицо наливается кровью, становится багровым.

– Устранил... – хрипит он, задыхаясь и кряхтя, пытаясь вырваться. — Сделал за тебя грязную работу. Не благодари.

– Паскуда!

Я со всей дури бью мерзавца кулаком по носу. Костяшки встречаются с хрящом, раздаётся характерный, тошнотворный треск ломающейся переносицы. Кровь брызгает во все стороны, заливает его рубашку, мой кулак, пол.

Если с моими девочками что-то произойдёт, я своими руками сверну Аракчееву шею! Задушу, как бешеную собаку! Разорву на части!

Бросаю бывшего бизнес-партнёра на пол, он мешком оседает, хватаясь за разбитое лицо, воя от боли. Я хватаю ключи от машины, лежащие на тумбочке, и выскакиваю на лестничную клетку.

Где меня встречают три вооружённых и агрессивно настроенных против меня мордоворота. Они стоят стеной, загораживая проход, руки тянутся к кобурам под пиджаками, глаза горят злобой.

Сука! Я должен успеть! Я должен спасти своих девочек!

Сжимаю ключи в кулаке так, что они впиваются в ладонь до крови. В голове только одна мысль, бьющаяся набатом: Катя, Маруся, я уже еду. Держитесь, пожалуйста, держитесь! Я вас не отдам! Никому не отдам! Я нашёл вас и больше никогда не потеряю!

Глава 9

Екатерина

— Мама, какой он обалденный, — радостным голосом произносит дочурка, тиская своего нового друга, прижимая его к груди и напевая какую-то незамысловатую песенку. Беляш довольно урчит, тычется мокрым носом в её ладошку, и от этой идиллии у меня на душе становится тепло и тревожно одновременно.

— Маруся, времени уже много. Беляш устал и хочет спать, — я мягко, но настойчиво забираю из рук дочери зверушку и определяю в клетку, предварительно постелив туда свежей подстилки и налив водички в поильник.

Доченька уже давным-давно должна была быть в постели, видеть десятые сны. Но в её глазах нет ни единого намёка на сон, они горят, как два уголька, отражая весь спектр сегодняшних эмоций. Сегодняшний день выдался слишком насыщенным на события, чтобы просто взять и уснуть.

— Холошо, — покорно соглашается Маруся и бросает тоскливый, полный надежды взгляд в сторону клетки, где Беляш уже свернулся калачиком и прикрыл глазки.

— Беляш наберётся сил, и уже завтра вы будете играть. Обещаю.

— Сколее бы уже завтла, — вздыхает она, залезает под одеяло и послушно закрывает глазки, но я вижу, как ресницы ещё подрагивают — мысли бродят, не желая успокаиваться.

— Отдыхай, моя родная, — целую дочурку в лобик, чувствуя губами тепло её кожи, вдыхая запах детского сна. Выключаю свет и на цыпочках выхожу из комнаты, прикрыв дверь.

Сказать, что я умаялась, ничего не сказать. Я в буквальном смысле валюсь с ног. Каждая клеточка тела гудит от усталости, мышцы ноют, веки наливаются свинцом. Сейчас мне хочется только одного: упасть на кровать, закрыть глаза и провалиться в спасительное забытье.

Умываюсь ледяной водой, чтобы немного взбодриться, переодеваюсь в старенькую пижаму, залезаю под одеяло и закрываю глаза.

Но уснуть у меня ни в какую не выходит. Я ворочаюсь с бока на бок, комкаю простыню, ищу удобную для сна позу, но никак не могу найти её. Подушка кажется то слишком высокой, то слишком низкой, одеяло то жарким, то холодным.

В голове одновременно крутятся сотни различных мыслей, как стая обезумевших птиц, и не дают мне покоя.

И все мои мысли вращаются лишь вокруг одного человека, моего бывшего... Ярослава.

Думала ли я, что судьба сыграет со мной злую шутку и вновь столкнёт нас лбами? Не думала и даже представить не могла, что такое возможно. Пять лет я жила с мыслью, что мы никогда больше не увидимся, что наши дороги разошлись навсегда. Но у судьбы на этот счёт оказались совершенно иные планы, и сегодня она продемонстрировала мне своё чёрное чувство юмора.

Стоит мне прикрыть веки, как перед моими глазами всплывает лицо моего бывшего. Его ореховые глаза с золотистыми крапинками, его твёрдый, волевой подбородок, его улыбка, от которой у меня когда-то подкашивались колени.

В его взгляде сегодня я сумела узнать того самого мужчину, в которого без памяти влюбилась много-много лет назад. Того, кто носил меня на руках, дарил цветы без повода и шептал нежные слова. Того, кто разбил мне сердце.

Наша история развивалась как в сказке. Я — простая девушка из провинции, приехавшая покорять столицу и поступать в университет. Скромная, наивная, верящая в прекрасное. И он — успешный столичный бизнесмен, уверенный, богатый, властный. Настоящий принц на белом Mercedes.

Я не сразу узнала, что Яр принадлежит к криминальному миру. Правду он мне рассказал лишь через год после дня нашего знакомства, когда мы уже были неразлучны. Помню тот вечер: мы сидели в его машине на набережной, светила луна, и он вдруг стал серьёзным, посмотрел на меня тяжёлым взглядом и выпалил всё как на духу.

Яр убеждал меня, что он не занимается открытым бандитизмом, продажей запрещённых веществ и прочей чернухой, от которой смердит за версту. Он утверждал, что его преступная группировка занимается переправкой санкционного товара через границу, и всё. Техника, автомобили, запчасти — ну, подумаешь, государство обманули. Он говорил, что это бизнес, что так делают все.

Он обещал мне вот-вот завязать с незаконной деятельностью и заняться честным бизнесом. Говорил: «Потерпи ещё немного, Катюша, осталось последнее дело, и мы заживём по-человечески». И я ему поверила, ведь я его любила... Любила так сильно, что готова была ждать вечность.

Я ждала, что криминальная дорожка, по которой Темников шагал много лет, вот-вот закончится, что он выйдет на светлую сторону. Но всё произошло иначе. С точностью до наоборот.

Накануне нашей свадьбы я узнала от будущей свекрови о том, что её единственный сыночек не любит меня и берёт меня в жёны лишь с одной целью — использовать в своих корыстных целях. Что на меня хотят повесить какие-то старые грехи, сделать козлом отпущения. Помню тот разговор как сейчас: её холодный, расчётливый взгляд, её фальшивое сочувствие, её «я тебе добра желаю, девочка».

Сегодня я первый раз за долгих пять лет задумалась над тем, были ли слова свекрови правдивыми или нет. Может быть, я ей просто не нравилась как невестка, и она специально оговорила своего сына, чтобы убрать конкурентку? Может быть, она всегда мечтала о другой семье для Яра, о более выгодной партии? Не знаю... Чем больше думаю, тем больше сомневаюсь.

Чувствую, как сердце начинает стучать, как барабан, отдаваясь в ушах глухими ударами.

От одной только мысли, что завтра мне вновь предстоит встретиться с бывшим, я начинаю задыхаться. Воздуха не хватает, простыня липнет к телу.

Хочу ли вновь увидеть Темникова? Да, хочу. Очень сильно хочу... Признаться себе в этом страшно, но это правда. Всё это время, все пять лет, я тайно надеялась на встречу. Представляла, как мы столкнёмся на улице, как он посмотрит на меня, как мы поговорим.

За пять лет я так и не сумела встретить человека, которого бы смогла полюбить по-настоящему. Мужчины знакомились со мной, приглашали на свидания, дарили цветы, звали в кино. Но стоило мне сказать, что я в одиночку воспитываю ребёнка, как все кавалеры разбегались словно по щелчку пальцев. Кому нужна женщина с чужим ребёнком? Никому.

Темников как был моим единственным мужчиной, так им и остался... Первым и единственным. И от этого осознания становится одновременно горько и сладко.

Громкий удар кулаком по входной железной двери заставляет подскочить на кровати. Сердце пропускает удар, а потом разгоняется в бешеном темпе.

— Не поняла? — бормочу себе под нос, встаю с кровати, попадаю ногами в тапочки и на ватных ногах иду смотреть в глазок.

Неужели снова Темников? Но почему он не позвонил в дверной звонок, как в первый раз, и решил долбиться кулаком в дверь? Это так не похоже на него.

Но что-то мне подсказывает, что это не бывший, а какой-то другой незванный гость. Слишком грубо, слишком нагло.

Вообще райончик у нас не самый безопасный. Несколько раз к нам уже долбились какие-то пьяные мужики посреди ночи, орали, требовали открыть. Я, понятное дело, дверь не

открыла и вызвала полицию. Но это было давно, в первые месяцы после переезда. В последнее время в районе более-менее тихо, видимо, местная шпана нашла себе другое развлечение.

Темников сказал, что у него для меня есть какая-то работа. Я буду несказанно рада, если он поможет мне устроиться на достойное место. Ведь в таком случае наши с Марусей финансовые трудности разом решатся, и мы сможем переехать в квартиру поближе к центру, подальше от этой дыры, от алкашей и наркоманов. Я смогу покупать дочери нормальную одежду, водить её в хорошие кружки.

Только вот хочу я работать в одном офисе с бывшим или нет. Не знаю... С одной стороны, видеть его каждый день — это испытание. С другой — может, это шанс всё понять, разобраться в том, что случилось пять лет назад.

Впрочем, он навряд ли надолго задержится в нашем городке. Главный офис Темникова находится в столице. А в наш город, как я поняла, он приехал в командировку налаживать бизнес-процесс в филиале. Месяц-другой — и уедет. Может, я просто перетерплю?

На одних лишь цыпочках, стараясь не издавать ни единого лишнего звука, чтобы не разбудить Марусю, подкрадываюсь к входной двери. Сердце колотится где-то в горле.

Заглядываю в глазок — и напрочь теряю дар речи.

Ведь посреди лестничной клетки, при тусклом свете единственной лампочки, в лёгком цветастом сарафане в цветочек, совершенно не по погоде, стоит Тамара Евгеньевна. Моя несостоявшаяся свекровь...

Она-то что тут делает? Откуда она узнала наш адрес? Темников сказал? Но зачем ему давать ей мой адрес? Или она сама выследила?

Отпираю замок и нешироко приоткрываю дверь, оставляя цепочку на месте.

— Тамара Евгеньевна? — смотрю на сильно постаревшую женщину вопросительным взглядом, пытаюсь понять причину столь позднего визита. — Чем обязана столь поздним визитом?

Важно подметить, что за пять лет она очень сильно сдала и из ухоженной, холёной женщины превратилась в сморщенную старуху. Годы её не пощадили... Морщины избороздили лицо, волосы стали совсем седыми, глаза потускнели.

— Катенька, как я рада тебя видеть, — произносит радостным голосом и награждает меня широкой улыбкой.

Но что в её голосе, что в её улыбке я сразу улавливаю фальшь. Нисколько она не рада меня видеть, и по интонации это чувствуется за версту. У неё какой-то свой план.

— Тамара Евгеньевна, если честно, я уже спала. Время позднее, может быть, вы придёте в другой раз, завтра днём? Я буду рада поговорить при свете дня.

И зачем я только открыла дверь? Надо было выключить электропитание звонка и со спокойной душой отправиться обратно в постель, притвориться, что меня нет дома. Но по непонятной причине я поступила совершенно иначе. Наверное, во мне говорит глупая надежда, что всё можно объяснить, что мы сможем понять друг друга.

— Не будет другого раза, — мотает головой из стороны в сторону и смотрит на меня, сощурив глаза, как змея на кролика.

— Вы ко мне поздороваться пришли или по какому-то вопросу? Может, чаю хотите?

Может быть, Тамара Евгеньевна узнала, что у неё есть внучка, и сломя голову побежала знакомиться? Может, совесть проснулась? Или любопытство?

Я не понимаю цели её столь позднего визита, и это настораживает.

— А ты всё такая же наглая и хамоватая, какой и была, — хмыкает она, и в её голосе проскальзывают знакомые нотки превосходства.

По интонации женщины понимаю, что от нашего разговора я не получу никаких приятных впечатлений. Скорее наоборот, он принесёт только боль и разочарование.

— До свидания, — предпринимаю неудачную попытку потянуть за ручку и закрыть дверь, чтобы прекратить этот бессмысленный диалог.

Женщина молниеносно схватилась за дверь и не позволила мне закрыть её. Её пальцы, унизанные перстнями, вцепились в край мёртвой хваткой.

— Я спасла тебя от Яра, и это твоя благодарность? — поджимает губы, и в её глазах вспыхивает злость.

— Спасли или нет, это ещё надо выяснить, — хмыкаю я, и внутри впервые закрадывается сомнение. — Я была глупой и слепо поверила вам. Сбежала и даже не поговорила с Ярославом. Не дала ему шанса объясниться.

Мысль о том, что свекровь всё гипертрофировала, приукрасила, а может, и вовсе придумала, и Темников на самом деле не хотел скидывать на меня никакую статью, всё сильнее и сильнее начинает прорастать у меня в сознании, пуская корни.

— Поздно, — цедит она сквозь зубы. — Ярослав через неделю женится. На достойной девушке, из хорошей семьи. И я не позволю тебе испортить моему ребёнку жизнь!

Она делает шаг вперёд, и я отступаю.

— Решила ребёнком привязать к себе мужика? Думала, родишь от него и он к тебе вернётся? Не позволю! — орёт она блаженным голосом, и её крик разносится по всему подъезду.

Что вообще происходит? Тамара Игоревна в своём уме или что? Она своими воплями всех соседей разбудит, вызовет полицию.

— Уходите, или я вызову полицию! — пытаюсь придать голосу твёрдости, но он срывается.

— Никого ты не вызовешь, и никто тебе не поможет! — смеётся она, и этот смех леденит кровь. — Мальчики, — поворачивает голову в сторону лестничного пролёта, — пакуйте её.

Громкий топот множества ног наполняет собой лестничную клетку, эхом отражается от стен.

Три мордоворота в чёрном окружают свекровь, вырастая как из-под земли.

Амбал, самый крупный, со всей дури дёргает ручку двери. Я с трудом сохраняю равновесие и едва ли не падаю на пол, больно ударившись плечом о косяк.

Внутри меня всё моментально сжалось от животного, леденящего страха. Спина покрылась липким потом, а на лбу проступила холодная испарина.

Я хочу закричать во всё горло, позвать на помощь, но у меня не выходит. Страх парализовал меня, сковал горло стальным обручем.

Со страхом оборачиваюсь назад и смотрю на дверь, ведущую в детскую комнату, где спит моя доченька... Где она видит свои детские сны, не подозревая, что в нашу жизнь ворвалась беда.

— Не рыпайся! — прорычал амбал, схватил меня своими лапищами, словно мешок с картошкой, и закинул на плечо. В глазах потемнело от резкого движения, рёбра сдавило.

Бью верзилу по спине кулаками, пытаюсь вырваться, дрыгаю ногами. Но у меня не выходит... Он как скала, как монолит.

— Маруся... — шепчу я, и слёзы текут по щекам. — Маруся, прости...

В голове только одна мысль: лишь бы она не проснулась, лишь бы не увидела этого кошмара. И ещё — Яр, если ты меня слышишь, спаси нас...

Глава 10

Яр

Огромный кулак размером с кирпич летит мне в лицо. Я вижу, как медленно, словно в замедленной съёмке, приближается эта махина, покрытая татуировками и мозолями. В воздухе пахнет потом и дешёвым одеколоном.

Ловко ухожу в сторону, уворачиваюсь от этого сокрушительного удара, который мог бы снести мне голову, и что есть силы бью амбала ногой в голову. Нога встречается с виском, и здоровяк, словно мешок с картошкой, рушится на пол и разбивает своей башкой кафельную плитку. Глухой удар, треск — и он затихает.

Второго нокаутирую прямым попаданием в нос с первого удара. Костяшки встречаются с хрящом, разда

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.